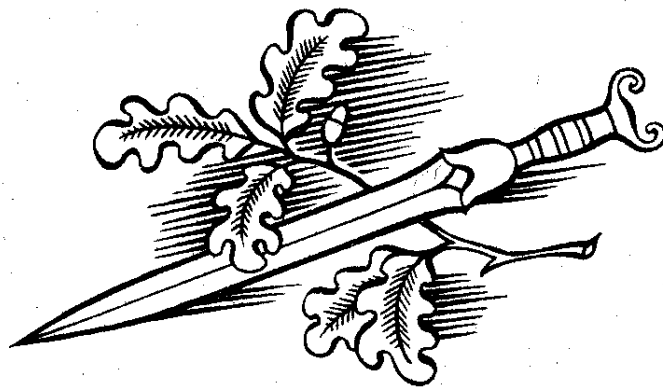


Бор и народ

Солдатская вера





Gott und Volk

Goldatiches
Bekennntnis



Gott und Volk

Soldatisches Bekenntnis



Theodor Fritsch Verlag • Berlin

Бог и народ

Солдатская вера

Перевод с немецкого языка: Вальтер Химмельзее
для проекта «GOTTUNDEVOLK»: vk.com/gottundvolk

Аннотация к переводу на русский язык

Эта книга, изданная без указания имени автора, была написана во второй половине 1930-х годов. Она отражает взгляды поколения немцев, взросление которых пришлось на период борьбы за власть и последующего триумфа национал-социализма в Германии. По крайней мере, взгляды его наиболее активной и фанатичной части, преисполненной энтузиазма от своей сопричастности происходившим политическим, социальным и культурным преобразованиям, трансформировавшим аморфное бюргерское общество в деятельную народную общность. Текст «Бога и народа» — во многом лишь набросок не состоявшегося, не созревшего до конца мировоззрения молодёжи, которой удалось осуществить «переоценку всех ценностей» и бросить вызов обывательским нравам и христианским догмам, вступавшим в непримиримое противоречие с пробудившимся самосознанием немецкого народа. На этих страницах представлено бесхитростное свидетельство искреннего и прямодушного утверждения веры с точки зрения солдата: веры как воли к подлинному человеческому достоинству, константами которой предстают пламенная любовь к Отечеству и жертвенная преданность Вождю. Надеемся, что в данном переводе нам удалось корректно передать пылкий юношеский дух этого замечательного артефакта одной из наиболее славных, но трагических и стремительно ушедших эпох в истории Европы.

Вальтер Химмельзее,
апрель — август 2018 года

Содержание

Наш путь	8
Решение	19
Революция души	23
О Боге	38
О Термании	49
О жизни	59
О смерти	73
О долге	80
О чести	85
О любви	89
О ненависти	97
О виновности	101
Наша задача	106

*У еретиков – всегда
самая глубокая вера*

Один молодой немец

написал эту книгу по велению своего сердца, излив душу после тяжёлой подённой работы.

Юношей он принимал участие в борьбе за Рейх и возмужал в школе призывника. Он берётся писать о вере, потому что в жизни находится на передовой. Он не желает вмешиваться в спор учёных, поскольку знает, что сражение за веру определяют не книги и речи, а только огонь в сердцах.

Потому эту книгу также нужно читать сердцем.

Его слова обращены к тем, кто уже несёт в себе новую веру, будь она лишь очень отдалённым стремлением или неясным предчувствием. Он призывает их к созиданию, чтобы немецкая душа смогла найти свой путь к Богу, чтобы мы сами могли жить.

Наш путь

Горячие души и страстные сердца, которые бьются только ради Германии, несут нашу веру. О вере не следует болтать. Её нужно переживать. Она рождается в сокровенной глубине нашего сердца. И только сердце с таким же огнём и таким же устремлением может понять её. У кого нет этого огня глубоко внутри, и кто не зовёт своим это великое устремление, не имеет права критиковать нас. Кто не чувствует его в сердце, никогда не достигнет разумом.

Поэтому скажем в самом начале:

«Мы не нуждаемся в вас, сомневающих, в вас, умышленных религиозниках, в вас, поборниках морали и апостолах целомудренных нравов!» Если вы осуждаете нас как еретиков и язычников, пусть так: мы должны принять это за честь. Но ради возведения нашего немецкого собора мы отвергаем вас. Мы хотим чистой веры. Мы не желаем, чтобы эта вера, за которую сражаются лучшие, стала фальшивой и бюргерской. Мы не нуждаемся в вас, вечно недовольных всезнайках. Мы не желаем, чтобы юный порыв сдерживали и парализовали ваши сомнения и трусливые мысли; чтобы остывал этот жаркий огонь воодушевления, который наша вера должна укреплять и воспламенять.

Наши слова предназначены всем, кто подобно нам честно ищет новую веру. Ведь к творцу ведут тысячи путей. Пусть каждый идёт своей дорогой. Но пусть никто не потеряет общую цель, которой мы всем обязаны и только ради которой нужна наша вера: Германию!

Мы, юноши, пошли особенным и всё-таки прямым путём. Это путь молодёжи, которая рано забыла, что такое витать в облаках и восторгаться вычурными, пустыми фразами. Нужда и страдание нашего народа сделали нас суровыми и зрелыми для созидания будущего.

Не нужно приходить к нам со смехотворным жестом: «Да, всё это довольно хорошо. Но раньше и мы были такими. Позже, с возрастом, это пройдёт».

Мы ненавидим эту дешёвую, обывательскую манеру трусливо и апатично примиряться с бурями времени. Мы ненавидим этих безучастных «пророков», попивающих охлаждённое пиво, которые умудрённо взирают на молодёжь и сочувственно улыбаются только для того, чтобы покичиться своим возрастом. К ним мы не находим никакого пути. Ибо их сердца холодны и черствы. Это ничего, совершенно ничего общего не имеет с презрением к старости. Только тот, кто остался юным в душе, может хвалиться своими годами.

Неправда, что наше юношеское, революционное намерение присуще любой юности и, следовательно, оказывается естественным проявлением нашего возраста. Сегодня мы живём при наступлении новой эры, в которую сбывается стремление столетий и которая даст своё выражение следующим за нами поколениям. Только голос крови в наших юных сердцах звучит особенно громко и чисто. Кто не хочет этого понять, воистину проспал величайший момент немецкой истории. Мы — вовсе не молодёжь 1900 года, родившаяся в сильном Рейхе. Когда мы вступали в осознанную жизнь, не существовало Германии, которая могла бы быть родиной для нас. Сначала нам нужно было завоевать нашу родину, Германию.

И эта борьба стала нашей судьбой. Вероятно, ещё не бывало молодёжи, которая столь же рано, как и мы, обрела путь к борьбе. К борьбе за свою молодую жизнь. К борьбе за своё отечество. И не бывало ещё молодёжи, которая должна была пережить и вынести как мы столько горестей и лишений, унижений и страданий.

Мы родились, когда наши отцы находились на фронтах и истекали кровью в окопах, а матери страдали и голодали на родине. Мы знаем о войне только понаслышке. Но не следует этим нас попрекать. Это не наша вина. Нас следует судить по тому, смогли ли мы постоять за себя в наше время. И я верю в то, что нам это удалось.

Эта война пометила нашу жизнь. Мы — её дети. И мы знаем, что наши отцы и матери были героями этой войны. Мы знаем, что она была величайшей борьбой народа за свою честь и ради своей молодёжи. Это знание для нас — священное обязательство, которое невозможно выполнить при помощи слов — им живут, нужно просто жить им. Поэтому война стоит в начале нашей жизни. И война будет стоять над нашей жизнью, пока мы дышим.

Многие из нас никогда не видели своих отцов. Они не вернулись из великой битвы. А вернувшиеся были нам чужие. Поначалу нам пришлось привыкать к ним.

Мы провели свои детские годы в шуме смуты и братоубийственной войны. И пока мы резвились и играли, слабое правительство продало нас власти капитала и предоставило произволу врагов. В восемь лет мы больше не были свободными людьми. Мы стали пожизненными слугами и рабами. Но нам ещё не было об этом известно.

Когда пришло время, мы пробудились и огляделись. Перед нами будущее, тёмное и мрачное. Вокруг нас ни-

щета, ненависть и братоубийство с одной стороны, и безразличие, косность и разврат — с другой. Дикий танец страстей и вожделений! Беззащитным и оскорблённым, нам пришлось переживать утрату нашим народом своих высших благ и его падение в бездну.

Однако наихудшим для нас, страстно ожидающих избавителя от сего бедствия, было равнодушие и бездействие большинства нашего народа, которое позволяло всему этому происходить, прикрываясь непостижимым для нас, жалким оправданием: «Мы же ничего не можем с этим поделать». В тот час возрастала наша ненависть, пылкая чистая ненависть к этим робким людям, которые, даже теряя честь и свободу, были озабочены благополучием своего брюха. Они могли спокойно пресмыкаться и закрывать глаза на нужду и несчастье. Но нам, нам ещё нужно было жить. И мы хотели жить!

В тот час мы стали идеалистами. Не мечтателями и кроткими романтиками. Наш романтизм был очень горьким и резким. А наш идеализм не являлся грёзой о целях, расположенных на звёздах. Для этого время было слишком холодным и грубым. Нет, в наши сердца проник настоящий, реальный идеализм. Идеализм поступка.

И в тот час, когда мы стали ненавидеть, в нас зародилась любовь. Не тепловатая, половинчатая любовь, которую проповедуют в церквях, а горячая, слепая любовь к Германии, не знающая никаких границ и оговорок. Затем из этой любви и из этой ненависти возникла воля. Твёрдая воля заступиться за наш народ, помочь нашими юными сердцами и юными руками завоевать Рейх, о котором мы только могли мечтать.

Так мы пребывали в чужом для нас мире, разочарованные, но не прекращавшие поиска новых идеалов. По-

ка с немецкого юга до нас не донёсся боевой клич великого идеалиста — Адольфа Гитлера.

Какое же было чудо, когда этот человек, в котором мы наконец обрели исполнение всех наших чаяний и надежд, стремительно покори́л наши молодые, горячие сердца! Какое же было чудо, когда его идеалы, ныне ставшие путеводными звёздами нашей веры, овладели нами так сильно, что мы забывали о школе и отчем доме! Что мы сразу же вручили ему нашу жизнь! Мы никогда не слышали речей этого человека, мы никогда не видели его. И всё-таки мы чувствовали, что он станет нашим Вождём. И всё-таки мы знали, что он и только он может дать нам свободу. Пока другие обращались к рассудку, утрачивая из-за всех вычислений и размышлений смелость, наше сердце, только наше сердце вело нас к нему — к тому, кто призывал сердца. Так случилось, что мы не нашли понимания у чопорных учительшек, у чуждых миру попов и даже у своих родителей. О последнем мы порой жалели. Первое было для нас чем-то естественным. Мы были мальчишками и зелёными юнцами, которым нечего делать в политике. К тому же мы знали только одну политику: Германию. А для этой политики не бывает слишком юных. Мало кто из старших верил в нас. Оттого наша вера становилась только сильнее.

Я ещё не забыл того, что в то время сказал в нашем классе один учитель. Он назвал нас податливой, незрелой молодёжью, которая сломилась бы при первом же ударе судьбы. С той поры эти слова вели и будоражили моё сердце. Они не давали мне покоя до того дня, пока молодёжь не победила и не завоевала Рейх. Двадцать молодых бойцов отдали свои жизни за этот Рейх, и они —

безмолвные свидетели стойкого юношества, которое Бог посчитал зрелым для приобщения к своему делу.

Чем больше становился пыл, с которым мы отдавались вере в Германию, тем больше мы отдалялись от церкви, проповедующей веру любви. Этот путь ведёт напрямик, так же как путь к Германии. Сначала в наших исканиях мы продвигались вперёд шаг за шагом, наощупь. При этом вероятно мы часто оглядывались. Затем поступь стала твёрже, а шаги шире. Взгляд не отклонялся от стоявшей перед нами цели. И другие присоединились к нам на этом пути — искатели и бойцы. И стали в колонну, и пошли маршем. К нам будут приходить новые люди, пока однажды по Германии не замарширует к Богу целый народ.

Мы прошли через христианское крещение как все прочие, ведь того требовали нормы приличия и расхожий обычай. В четвёртом классе по настоянию учителя мы зубрили еврейские сказки. Но когда на уроке немецкого языка мы слушали сагу о Зигфриде, наши глаза сияли, наши маленькие сердца трепетали и нередко замирали. И многие тайком утирали рукавом слезу, когда жестокий Хаген разил храброго Зигфрида. Да, Зигфрид, вот кто был нашим героем! Но и отец был героем для нас, когда рассказывал о великой войне.

Мы даже выдержали занятия для confirmands. К несчастью, господин пастор имел с нами, дерзкими сорванцами, множество хлопот, поскольку нас мало беспокоило спасение нашей души. Это списывали на наш переходный возраст. Впрочем, мы никогда не были послушными. Послушны лишь маленькие мальчики и мамочкины сыночки. Их хвалят перед дядями, тётями и родственниками как «хороших детишек». Мальчики ста-

новятся обывателями. Но у юноши своя голова на плечах. Спустя некоторое время он пробьёт себе дорогу в жизни.

Когда послушные по воскресеньям брали свои песенники, надевали школьные фуражки и шли в церковь, мы бродили по лесу, слушали ветер и радовались солнцу. Однако, став немного старше, став более зрелыми, мы тоже иногда сидели в церкви, потому что хотели послушать какого-нибудь пастора, в душе которого пылал огонь. Но у нас всё ещё не было собственных мыслей насчёт нашей веры. Мы усваивали христианство таким, каким нам его преподавали.

Затем наступил тот великий день, когда мы обрели Вождя и Германию. Борьба за свободу полностью захватила нас и вытеснила всё, включая церковь. После настали дни, когда нам потребовалась энергия, внутренняя энергия, которая вновь приободрила бы нас и укрепила нашу веру в Рейх. Мы направились в церковь с открытыми сердцами только для того, чтобы почерпнуть силу, получить наставление и пробудить пыл. Но мы обнаруживали либо доносившиеся с кафедры обличения наших взглядов, либо, в лучшем случае, равнодушие, но чаще всего — ледяное презрение. Вот что мы находили.

Лишь немногим пасторам удавалось говорить с кафедры на немецком, на страстном немецком языке. Мы преклоняемся перед этими людьми. В целом же церковь не поняла знаков времени. Она спасовала в свой судьбоносный час. Она позволила своим священникам по воскресеньям проповедовать с кафедр о любви и вере, а вечером накануне выступать на социал-демократическом массовом митинге против врагов республики. Она считала правильным отказывать человеку в соборовании

только потому, что у него не было средств для оплаты церковных податей. И затем она умудрялась по-прежнему вещать о бедности и самоотречении. Насмешка над Спасителем и его учением! Она отказывала немцам в церковном погребении только потому, что они поддерживали Германию. Так она отстранялась от народа и поэтому должна была потерпеть крах.

Церковь, которая не служит лучшим силам своего народа, грешит против воли Бога. У неё нет права на жизнь.

С большим разочарованием мы покидали церковь и снова шли на улицу и на митинги. Поскольку судьба Германии решалась там и больше нигде. Пока велись споры о словах и формулах, время призывало к действию. Так мы отправились на поиски нашего Бога. И мы отыскиали Его в борьбе за народ и отечество. И в это время не было никого, кто с большей горячностью отстаивал бы веру в самые святы вещи, нежели те, кого ославили еретиками и безбожниками. Конечно, эти еретики утратили веру в христианскую церковь. Но они имели веру, которая сдвигала горы: веру в Германию. Они обладали никогда не истощавшейся энергией: упованием на Бога. Они жили единственным словом непреходящей ценности: борьбой. И у них был Вождь. Эта вера дала отпор всем штормам и никогда не оставляла их. Ведь они не вынесли её из церкви. Они не прочитали о ней и в Библии. Они завоевали её в борьбе. И мы говорим это всем, кто сегодня ещё сомневается:

Наш путь к Богу пролегает не через Библию и Иерусалим. Он ведёт через Германию. Иначе и быть не может.

Спокойными и бурными ночами, при лунном свете или в метель мы, юноши, находились вместе и клялись вести вечную борьбу со всем, что не имело немецкой сущности. В сиянии огня мы освящали наши знамёна и вымпелы и обретали силу и отвагу для новой битвы. И когда после этого мы, верующее единство, стояли на одиноких вершинах, вглядывались в пылающее пламя чистого огня, когда мы смотрели на просторную немецкую землю, на горы и долины, реки и леса, когда мы разглядывали далёкие звёзды на тёмном небе тихой ночью, наши юные сердца пронзала таинственная тоска. Это была тоска о чём-то далёком, тоска по вечным источникам немецкой жизни, тоска по Богу.

В этот же самый час на собрании родительского комитета школы пастор протестовал против ожесточения и безбожия современной молодёжи. И в эту же ночь шестнадцатилетний парень умирал геройской смертью на тёмной улице с верой в вечную Германию. То была немецкая молодёжь, «незрелая, ожесточённая молодёжь». И эта молодёжь завоевала Рейх.

Тогда наступил тот день, который заставил наши сердца колотиться в горлах. Тот великий поворотный момент всем нам казался чудом. Но не чудом в христианско-библейском смысле. *Наши чудеса – не басни и не фокусы. Они – чудеса силы и веры, чудеса воли.*

И опять у нас не было времени заниматься церковной верой. Мы и не ощущали никакой охоты к ней до тех пор, пока паводок революции не спал и не вошёл в своё русло. Сначала мы обращали внимание только на формальности, на внешнюю сторону. Она казалась нам прогнившей и нуждающейся в обновлении. Конечно, по стране должна была пронестись новая Реформация, что-

бы церковь стала для нас родиной! Мы хотели помочь. Да, мы хотели этого!

И с горящими сердцами мы приступили к поискам, к раздумьям. И начали сомневаться. Нет. Не сомневаться! Это не могло быть истиной. Нам следовало продвигаться глубже. Но чем дальше мы проникали, тем больше наши сердца отворачивались от веры, которая была верой наших отцов. Борьба была жаркой, упорной и зачастую мучительной. И по достижению истоков наша душа разделилась. Здесь звал немец; там — христианин! Здесь говорили мы; там — наши отцы, наши матери. *И мы знали — ради Германии нет никакого иного пути кроме изгнания христианина из нашего сердца, чтобы всё пространство принадлежало немцу.*

Нет! Мы не хотели жить ради блаженства. Мы хотели жить, чтобы всецело пожертвовать собой ради нашего народа. Нет! Мы не хотели вопрошать, попадём ли на небеса. Мы спрашивали: какую пользу это принесёт нашему отечеству? Нет! Мы не нуждались в посреднике между собой и Богом. Ведь Бог пребывал непосредственно над нами. Да, Он был внутри нас. Мы чувствовали это в трепете борьбы. Нет! Мы не хотели исказить нашу веру — веру, которая позволила одержать нам победу.

Поэтому никакая реформация нам не поможет. Мы не построим дом на мягком грунте. Что нам нужно — это новый порядок в головах и телах. Мы хотим веру, пылающую из глубины немецкого бытия, из немецкого сердца. Веру, которая подходит немцу как Тевтобургский лес, как Северное море и тихая пустошь.

Нет! Одно только может помочь нам: берём в руки лопаты и приступаем к работе. Убираем весь щебень и

все валуны и копаем, пока не упрёмся в твёрдый грунт — в почву, на которой можно строить. Кладём свои сердца в огонь и позволяем им гореть, пока всё скверное и чуждое не осыплется как пепел, пока они не станут снова свободными и не будут биться более чисто. Идём по пути обретения самих себя. Вновь находим себя и становимся немцами.

И мы говорим тем, кто не желает нас понимать: не просто отстраниться от мира веры отцов, отвернуться от тысячелетней церкви и её учений и вещать о том, что нужно жить новой верой. Необходимо трудное, честное сражение между старым обычаем и новым устремлением, между борющимися силами совести. Не следует изображать данный шаг как юношеское легкомыслие и необдуманый поступок. Нет! Он требует безграничной храбрости и веры, большой и горячей. Для нас этот шаг — веление благочестия. Нам опостытели церковная вера и догматы, потому что мы верим в жизнь.

Мы видим, как в многовековой борьбе вызревает решение. Душа немецкого народа пробуждается и строит собственный собор. Его фундамент — священная немецкая земля, пропитанная кровью, завоёванная мечом. Его купол — широкий голубой небосвод, с которого солнце излучает жизнь. Его колонны — деяния нашего народа; мощные, тянутся они к звёздам. И подобно колокольному звону вечным увещанием и долженствованием раздаются в его пространстве призывы наших немецких провозвестников и пророков. С тех пор, как немецкий народ живёт, он совершает богослужение. Оно называется трудом на благо Германии, а значит и во имя Бога.

Решение

Мы живём в эру решения. С осознанием ценностей расы и крови началась новая оценка всей жизни. Внешне это проявляется в формировании нового образа жизни и новой воли к жизни. Эпоха мечтаний об интернациональном человечестве завершается, и вместе с ней приходит конец мечте о христианской идее человечества, которая на протяжении двух тысячелетий двигала людьми, так и не ставшими к ней ни на один шаг ближе.

Раса и народ возведены в священные идеи. Они формируют лик нашего времени и закон для будущего. То, что служит этому закону, — хорошо и должно продолжать существование. То, что не признаёт этого закона, — худо и должно измениться. Ещё лучше — исчезнуть. Ведь волчья шкура может вполне подойти овце, однако она не превращает её в волка. *Кто два тысячелетия жил чьей-то милостью, неспособен вдруг стать героем.*

Мы стоим у начал сильного времени. То, что мы находимся в начале, не является для нас недостатком. В этом мы — впереди других. Счастлив человек, которому ещё предстоят задачи, у кого есть цели и кого ждёт труд. Не хотим мы никакого спасения. Мы прекрасно чувствуем себя у истоков. Наш путь ведёт обратно к самобытности. Да, он ведёт внутрь нас. И потому мы шагаем впереди. Поэтому и будущее принадлежит нам.

Сегодня немецкий народ как будто пробуждается от тысячелетнего сна и приходит в себя словно мальчик, мечтавший об ангелах и рае, но при пробуждении пони-

мающий, что жизнь нуждается в крепких мужчинах, на которых мир может положиться.

Бог послал нашему народу трудный и долгий путь к единству и юности. Пока окружающие нас народы хиреют и старятся, мы шагаем к началу. *Это начало может исходить только от нас самих — не от Рима и не от Иудеи.*

Теперь есть Рейх. Германия произвела себя на свет. Вождь ведёт. Воля приказывает. Народ поднимается. И всё же нам есть за что бороться — за немецкого человека, за немецкую душу. Эта борьба будет самой трудной и, тем не менее, самой плодотворной и прекрасной. Новое поколение сформирует новую веру из глубин немецкого своеобразия. *Эволюция должна стать революцией души.*

Никакое переживание не оставляло во мне более глубокого следа, чем тот священный час, когда я как солдат присягал Вождю и Германии, ведь я клялся в верности до самой смерти. Меня бросало в жар и в холод. В сердце клокотало. Мне неведомо как. Но ни одно торжество не причинило моему сердцу больше боли, чем это. Сначала к своим верующим обратился пастор-евангелист, затем пастор-католик — к своим. Мы, юноши, дали присягу. И при этом должны были иметь двоякую веру? Но мы были немцами. А чем же ещё? Ничем, только немцами! В этот час, когда раздор ножом вонзился в моё сердце, я начал верить в победу немецкой веры.

Политическое объединение осуществлено. Не должны ли немцы достигнуть и религиозного единства? Да, я верю в это, как прежде верил в преодоление разделения на партии, классы и земли. Это объединение в вере увенчает обновление. *Несомненно, будет не реформация*

во Христе, но прорыв к глубинной немецкой сути и общность крови в немецкой вере. В это я верю.

С гордостью подтверждаю: в тот час я стал немцем. И знаю: придёт время, когда лишь один человек будет призывать с кафедры – немец и солдат. И верю: немецкая религия будет по существу солдатской. Работу труженика она наделит высшим значением. Крестьянину скажет, что он стоит на священной земле. Солдату даст долг как смысл жизни. У всех будет одна общая цель, ради которой они живут и работают, в которую они верят, которую Бог дал им в качестве задания: Германия!

И когда я признал это, христианство перестало быть для меня проблемой.

Сегодня мы ведём борьбу за душу немецкого народа. А там, где борьба, сражаются за ценности. Сегодня речь идёт о том, что победит: любовь или честь, страх или упорство, сострадание или сила, буква или кровь.

Борьба требует решения. Сегодня решается, кем желает быть немец: страдальцем или героем, грешником или приверженцем своей веры, мечтателем или бойцом. Сегодня решается, хотим ли мы стать самим себе ещё более чуждыми и потратить свою энергию ради Востока, или же мы возвращаемся к себе, и с более сурового, более героического образа жизни начинается немецкая эра. Сегодня мы боремся за свою родину. Хотим ли мы по-прежнему говорить о Востоке или же мы хотим быть сторонниками Германии?

Там, где борьба, находятся фронты. Фронты ясны. Один зовётся Христом. Другой – Германией. Третьего нет. Нет и компромисса. Только чёткое решение. *Сегодня речь идёт не о том, чтобы ослабить католицизм ради усиления протестантизма. А о том,*

чтобы вместо чуждой для нас религии установить веру, рождённую в сокровенной глубине немецкой души.

У каждого времени есть свой знак. Два времени, два знака противостоят друг другу сегодня: крест и меч. Меч — оружие бойца. Страдалец тащит крест. Христианская религия сплотилась сегодня под знаком креста. Но не мир христиан. Наша борьба не направлена против людей. Она нацелена на идею. В ней побеждает не кулак и даже не уста. Её ведут оружием духа и силой сердец.

Христианство заняло оборонительную позицию. Воистину, в церквях слышны только защитительные речи. Должно быть, его дело плохо.

Мы наступаем!

У фронта креста есть сильный и слабый фланг. Сильный фланг — католический. Его сила — это единство. Слабый фланг — протестантский. Его слабость — это раздробленность. Наша борьба, борьба сердец, нацелена на оба фланга. Средоточие столкновения — немецкий человек. Сегодня сражаются за него. Не за приход, не за догматы, не за церкви. Цель схватки — немецкая общность. Не конфессия, даже не всеобщая христианская церковь. Только народ, который верит в Бога и в самого себя.

Этот народ пробуждается. То, что сегодня многие люди больше не называют себя, не подумав, христианами; что сегодня повсюду говорят о религии; что везде обсуждаются религиозные вопросы; что во многих церквях царит зияющая пустота и молодёжь предпочитает черпать силы на вершинах гор при свете костра, — это благой знак, знак того, что наш народ не спит. Глубокое устремление распространяется по немецкой земле от честных сердец. Немцы хотят наконец стать немцами и искать свой путь к Богу.

Революция души

Говоря о христианстве, мы не подразумеваем нынешних немцев-христиан. Христианство следует рассматривать так, как оно проявляет себя в Библии, и таким, какое оно есть на самом деле. Поскольку современная церковь также ссылается на священное писание, неприкосновенное Божье слово, как на основу своей веры. Конечно, в течение веков чистое христианство, прежде всего в протестантской вере, никогда не добивалось своего. Напротив, развитие получил компромисс, от которого мы страдаем сегодня. Ради всего святого, не нужно утверждать, будто немецкая сущность впервые достигла подлинной высоты благодаря христианству или же, что христианство способствовало её оздоровлению. Не голос христианской совести вызывает в нас трепет от вздымающейся мощи готического собора, и не он отражается в музыке Баха и в пламенных словах Арндта.¹ Это — глубина немецкого нрава, это — сила и доброта немецкого сердца. Христианским может быть имя. Произведение и творившая его душа — немецкие.

Нет! Наша цель, наше стремление — это день, когда немецкая душа в конце концов отбрасит весь чужеродный балласт и, чистая и свободная, покорит гордые вершины и будет править ими.

Насколько чуждым нашим предкам было изначальное христианство, доказывает тот факт, что миссионерам

¹ Эрнст Мориц Арндт (1769 – 1860) – немецкий поэт и историк, идеолог немецкого национального возрождения. – Здесь и далее примечания переводчика.

пришлось проникать в немецкие сердца окольным путём через «Гелианд».² Поэтому христианское учение является сконструированной религией, компромиссом, разъединяющим наши души. Вообще, это самая сложная религия, какую я могу себе вообразить. Поначалу всё время проводят за её уяснением и обсуждением противоречий. Затем в этом увязают и забывают о сути. Сегодня христианство уже не выходит за оборонительную позицию. Его возражения давно закончились.

Когда слов не хватало, и ими не могли убеждать, язычников принуждали к кресту оружием. Так немецкая душа впервые с впечатляющей упорностью защищала себя в Саксонии. Какими же сильными должны были быть язычники, если проливали свою кровь ручьями! И насколько же чуждым для немцев оставалось учение спасителя, если их нужно было заставлять являться на церковную службу под угрозой смертной казни!

Как ошибочна, пагубна самонадеянность церкви, пренебрегающей самыми естественными законами, чтобы подчинить себе весь мир и принести ему единственную блаженную веру! Считает ли кто-то всерьёз, что у негра из Конго может быть такое же представление о Боге, та же самая вера, как у пытливого немецкого человека? Нет! Не нужно ни к кому подходить с универсальной мерой. Я предпочитаю наблюдать за тем, как негритянское племя с громким боевым шумом бешено движется в воинственном танце, чем созерцать этих чёрных сынов, затягивающих христианский хорал, который чужд их природе и навязан им хитростью и мастерством убеждения. Пока чёрные сердца ещё бьются на своей

² «Гелианд» — древнесаксонская поэма IX века, в которой делается попытка приспособить библейские жития святых к языческому героическому эпосу.

земле, следует избавить негров от миссионерства. Негры должны оставаться неграми. Язычникам хотят принести спасение. Но отнимают у них самобытность, а ведь она — их задание.

Навязывать другому человеку свою веру — это совершенно не по-немецки. *По-немецки — провозглашать свободу совести.* Однако немецкий долг также состоит в истреблении чуждого. Поскольку чуждое противно Богу.

Поэтому немецкая вера никому не будет предписывать своё отношение к Богу. Пусть каждый ищет собственный путь. Но никто не обязан искать его в Риме или в Иерусалиме. Германия — вот наша земля обетованная.

Это будет наша религия, которая не навязана нам хитростью и насилием, которая неторопливо произрастает в наших сердцах и становится зрелой как лес во время бури, пока однажды её не разделят все немцы — веру, стремление и вместе с тем родину.

Во второй раз немецкая душа восстала против Святого Рима в одном человеке, кого мы считаем одним из величайших немцев — Мартине Лютере. Протестантская церковь почивала с тех пор на его героических лаврах. Она остановилась у могилы этого борца и не отважилась на следующий шаг. Из-за этого она постарела и чахнет.

А когда весенние бури немецкого возрождения потрясли её врата, и священное воодушевление воззвало к новым деяниям, церковь не только не услышала этот призыв, но и не открыла врата. Буря прошла мимо неё. Да, она не сумела сделать ничего лучше, чем присовокупить к уйме своих ответвлений и сект ещё несколько новых. Какой постыдный факт, что немцы не едины даже в величайшем и предельном, в вере в Бога! Печальная кар-

тина конфессиональной разобщённости и разлада в вере уже сама по себе обязывает нас поддержать единую немецкую веру. Как надлежит сплотиться христианскому миру, если всякий учёный теолог верит в то, что только он правильно прочитал и понял писание? Если до сих пор не ясно, что является словом Божиим, и что нет? Если уже пятьсот лет католицизм и протестантство выступают друг против друга заклётыми врагами лишь из-за нескольких букв? Кто ещё должен верить в единую христианскую церковь, если даже конфессия не способна удерживать своих верующих вместе?

Тот, кто борется за целостность Рейха, должен искоренять конфессии, а не веру в Бога. Ведь мы не слуги церквей и не холопы догматов. Мы служим нашему народу. Для этого мы призваны Богом на землю. Как когда-то вражда партий сделала наш народ слабым и несчастным и оторвала его от немецкого сердца, так мы должны теперь преодолеть конфессии, чтобы быть не только народом с одинаковыми одеждами и одинаковым приветствием, но чтобы стать одним сердцем и одной душой. Этот великий день есть наше глубочайшее стремление.

Религия сегодня окаменела и превратилась в науку, стала проблемой, о которой спорят учёные. О вере пишут книги. Но посредством холодного рассудка, а не горячего сердца. Религия вычисляется. Вера доказывается. Бог выискивается в книгах и формулах. Только не там, где Он вещает наиболее громогласно: в жизни. Поистине! Мы должны начать сначала, чтобы вера опять приняла близкую народу форму.

Религия, которая отыскивает свою силу в знании, а не в вере; которая даёт успокоение и довольство вме-

сто того, чтобы пробуждать устремление; которая говорит о Боге вместо того, чтобы жить в Боге; которая цепляется за единожды произошедшее и не верит в постоянное проявление всего вечного — эта религия не является религией.

Потому я вижу лишь одну опасность для немецкой веры: её превращение в спор учёных. Почти всем нехристианским религиозным движениям недостаёт стихийного народного порыва, который вовлекает широкие массы. Поскольку речь идёт не о том, чтобы убедить нескольких учёных. А о том, чтобы воодушевить и увлечь народ. О вере нужно говорить на «хорошем немецком» языке. Ведь вопрос веры — это дело сердца. Вот почему нужно обращаться к сердцу, а не апеллировать к рассудку.

Разумеется, путь немцев к своему Богу столь прост и понятен, что нам трудно разглагольствовать далее о нём. Он так близок и кажется нам, шагающим по нему, таким самоочевидным. Однако именно поэтому большинство людей не находят его. Они чрезмерно образованны и чересчур вышколены.

По вине христианства немцы стали чужими самим себе. Ближневосточная библейская вера могла, вероятно, некоторое время занимать немцев. Но она слишком ограничена и слишком неподатлива, чтобы пробудить в их сердцах ту тоску, которая всегда без посредника направляла к божественным глубинам. То пламенное стремление, которое жаждет работы, служения и жертвы.

У нас есть задача освободиться от традиции, столетиями опутывавшей наши сердца и порабощавшей наши души. Из-за неё мы страдали с тех самых пор, как

надломился Ирминсульт и был воздвигнут крест Голгофы. У нас есть задача отбросить весь чуждый хлам, прервать сон об ангельском рае и вернуться на землю. *Наша задача — быть только немцами.*

Немец не желает узнавать о своей вере из книг. Он хочет самостоятельно искать её, он хочет достигнуть её, отвоевать у жизни. Даже если на это ему потребуется вся жизнь. Этого хочет не только немецкий учёный. Человек в цеху и в поле желает того же намного больше, ещё более страстно, более искренне. Ведь его тяжёлый труд рушит все красивые теории, которые требует от него пастор. Пастору легко говорить о вере и любви в своей тёплой комнате и на высокой кафедре.

Нет! Если вы желаете провозглашать немецкую веру, то должны идти на фабрики, в рудники, на поля. Вы должны спуститься со своих кафедр, должны покинуть церковные алтари и отправиться к алтарям народа! Вы больше не можете цепляться за догмы и буквы, ведь немецкое сердце широкое и большое. Вы не можете спрашивать: что писано? Вы должны вопрошать: чего хочет немец? Куда влечёт его тоска? Каковы его самые священные блага? Где он ищет своего Бога?

Тогда падут Заветы, тогда завершится христианская эра. Новая жизнь сформирует себе новую веру, которая будет вечно юной, но и вечно ищущей. Потому что жизнь вечна, и потому что Предельное остаётся для нас вечным предчувствием и устремлением.

Впрочем, у нас нет времени на споры о словах. Не важно, говорим ли мы о религии, о вере или благочестии. Называем ли мы Предельное Богом, Светом, Провидением или Первоначальной Силой — всё равно. Важ-

но лишь то, что мы говорим не Иудея и даже не Рим, но — Германия.

Я говорю о вере. Вера не является полаганием чего-либо истинным и признанием неких догм. Недостаточно только признать Творца и жить, тем не менее, вопреки Его законам. Мы должны сделать Его законы законами нашей жизни. Вероисповедание бессмысленно, если не поступают в соответствии с ним. Поэтому вера — не знание о высшей силе, но обязательство жить согласно вечным, божественным законам. *Поэтому вера — это жизнь в Боге.* Такова немецкая вера.

Мы хотим новую веру. Этим мы подразумеваем не новую церковь, а нового человека и новую жизнь. И в конечном счёте новую общность, которая укоренена в крови и черпает энергию в родной земле. Новая вера должна произрастать из немецкой крови и немецкой земли, если она желает когда-нибудь стать для нас родиной и силой. От христианства нам было тошно не потому, что с нашей стороны недоставало религиозности. Это была чуждая нашей природе ближневосточная религиозная теория, которой мы терзали самих себя в течение двух тысячелетий.

Но немец, вместо того чтобы истекать кровью на Ближнем Востоке, хотел отправиться в Германию, искать собственное своеобразие, вернуться к нему, почти утраченному из-за всех бесплодных раздумий!

Бедные немцы! За основу вашей веры вы принимаете историю чужого народа, то есть евреев. Может, у вас нет своей истории? Должны ли ваши поиски всегда обращаться к чужому, если своё находится так близко? *История нашего народа — это наше священное писание. Оно написано кровью.* Сегодня, когда я нехристи-

анскими глазами смотрю на Ветхий завет, эту нечестивую писанину, меня охватывает священная ярость от того, как долго нас, немцев, потчевали этими подлыми байками; мы, наивные, слепые, безобидные немцы, убили в самих себе веру, чтобы еврейство предстало в выгодном свете. Между строк я вижу тогда ухмылку еврея, вечного отрицателя и разрушителя, этого паразитирующего, избранного дьяволом народа. Пока мы оставались в неведении, мы были бедны.

Возьмите ту книгу и сожгите её в освящённом месте! Носите пламя в своих сердцах! Они суть свет. И благодарите Бога за то, что он послал вам Вождя. Это — день Господень, в который рвутся оковы.

Мы оспариваем, что народы и расы земли могут прийти к своему Богу только единственным путём, через Христа. Мы оспариваем, что этот путь как неповторимое откровение навсегда предписан им. Что без него они — отверженные порождения дьявола. *Люди не делятся на христиан и язычников. Ведь они все религиозны, и вместе с тем они — язычники. Бог создавал людей в соответствии с расами и народами и влагал каждому свою веру в кровь. Смысл творения состоит в том, что всякая кровь прокладывает себе собственный путь согласно законам своего рода, который мы признаём божественным.*

И где же, как не в вере, связующей сердца с Богом, деяния этого рода утверждаются с большей глубиной и чистотой! Наша задача заключается не в том, чтобы навязать немецкому человеку новую веру или учить новым идеям и формам. Мы лишь хотим пробудить энергии и устремления, с незапамятных времён дремлющие в немецких сердцах как в пленнице, которой нужна искра

извне, чтобы вспыхнуть и ярко взметнуться к небу пламенем. Если немцы вновь являются немцами и следуют за чистым голосом своей крови, они самостоятельно приходят к немецкой вере.

Ведь если они не говорят по-немецки со своим Богом, если не могут даже испытывать религиозные чувства и стремления согласно их природе, то есть в сокровенной глубине своей великой души, тогда кто они?

Вера для нас – не средство спасения от горести этого мира. Она – выражение глубочайших энергий сущности народа, вечное обязательство человека перед Богом жить общностью, в которой мы были рождены.

Вера для нас – это не право на блаженство, но долг борьбы за народ и кровь. Нам всё равно, заслуживаем ли мы этим высказыванием небес или ада с точки зрения христианской учёности. Поскольку нас непримиримо отделяет от христианства следующее:

Мы не хотим вознаграждения в форме беззаботного продолжения жизни после смерти. Это либеральное, еврейское мышление торгаша! Верь, молись, исповедуйся, постись и кайся, тогда небеса будут определённо твои! Нет! *Труд, борьба и вера в свой народ! Вопрошай не о награде и не о своей жизни! Спрашивай: как я могу послужить моему народу? Живи сообразно этому, тогда ты выполнил свой долг!*

Наш народ, общность, является высшим законом для нас. Этот закон для нас неприкосновенен, божественен, вечен. Потому мы больше не спрашиваем: что писано? Что об этом говорит Рим? Потому мы спрашиваем: как хочет того закон? Как желает того общность? На этом наше вопрошание заканчивается, Бог тому свидетель. Ведь Он – законодатель над временами и мира-

ми. И есть только один первородный грех: пренебрегать законами Бога. Оттого христианство и немецкая вера различаются как вода и огонь:

Христианство соорудило учение о потустороннем и, исходя из него, продиктовало Всемогущему законы его действий. В этом – сущность и внутренняя безосновательность ближневосточной догмы.

Немецкое благочестие принимает за откровение законы Бога и природы и возводит на них свою жизнь и свою веру.

В этом состоит вечность и сила немецкой веры.

Поэтому пора рождения присущего природе мышления и веры – это пора умирания для христианства. Мы, немцы, призваны судьбой первыми отказаться от христианства. Это должно быть честью для нас.

Христианство напоминает храм, который нагромозила из камней рука человека. Многие поколения воздвигали его. Но работа прервалась на несколько столетий. Меж тем время его не пощадило, а погода подточила его камни. Сегодня, когда ему собираются возводить крышу, обваливаются фундаментные стены. Ведь они прогнили и потрескались. Поэтому всё здание должно обрушиться прежде, чем завершат его постройку.

Немецкая вера будет действовать иначе. Она вырастет словно дуб, на родной почве и под немецким небом. И от его плодов будет снова и снова рождаться новая сила, новое семя. Она бросит вызов бурям и эпохам – сильная и юная, пока существует Германия.

Сегодня нам говорят: вы не можете просто вычеркнуть из истории тысячу лет христианства и заменить его новой верой.

Мы не хотим устранять христианство из истории. Что произошло, то произошло. Когда-нибудь христианство назовут трагической для немцев необходимостью. После долгих блужданий немецкий народ наконец нашёл дорогу домой и, после горьких страданий и тяжких разочарований, должен с трудом добиваться своей веры. Это хорошо. Так как немец сначала должен спуститься на землю, прежде чем прозреет. Но то, что он затем увидит, он больше не уступит. Да, мы хотим начать новую немецкую эру. Мы отказываемся от веры прошлого. Мы не боимся насмешек и наказания за деяние, которое считаем благим. Что вы, христиане, сделали тогда? Вы проигнорировали многие тысячелетия долгого развития германского человека и мира его веры. Вы навязали ему учение, не являющееся немецким. Вы научили презирать прародителей и не спрашивали об их стремлениях и их вере. Но сегодня прародители восстают. И ваша догма остаётся всего лишь эпизодом в огромном просторе немецкого человека!

Когда же немецким героем первой половины первого тысячелетия будет Арминий Освободитель,³ а не Христос?

Нас упрекают в том, что мы якобы поклоняемся Вотану. Вотан умер. Но Германия живёт. И наши предки, которых в христианскую эпоху порицали как грубых варваров, достойны того, чтобы сегодня служить нам примерами. Их боевой настрой и чистая духовность дают нам больше, чем истории еврейских апостолов. Ко-

³ Арминий (16 до н. э. – 21 н.э.) – вождь германского племени херусков, в 9 году н. э. разгромивший римскую армию в Тевтобургском лесу, что остановило продвижение римлян за Рейн. В эпоху романтизма Арминий становится немецким национальным героем.

гда-то истории предков скрыли от нас. Разумеется, трусливым, вялым и нерешительным такие примеры не годятся!

Сегодня всё ещё есть люди, которым хотелось бы верить, будто немецкая история впервые начинается с Карла Великого. А то, что до него — относится к язычеству. И язычеству эта разновидность просвещённых людей выказывает «языческое почтение». *Нет, история нашего народа начинается с того момента, когда человек нашей крови впервые прошёл по земле. История — это путь и деяние крови. Кто желает писать историю, должен писать историю крови.*

Церковь призывает сегодня к защите христианской культуры. Призыв запаздывает. Эпоха христианской культуры проходит. Мы начали немецкую эпоху. И в ней только немецкая культура может быть определяющей.

В политике мы шествуем вперёд гигантскими шагами. Мы преуспеваем в экономике. Если мы хотим выполнить свою культурную задачу, то должны проникнуть в глубину. Потому что подлинные достижения культуры рождаются из глубины сущности народов. Культура — это больше, чем продукт группы художников. *Культура является выражением душевного склада народа.* Она всегда связана с расовым, народным своеобразием. Нет никакой интернациональной культуры. Также для нас не может быть никакой христианской. В Париже, в Риме и в Берлине не могут танцевать одинаковые танцы, петь одни и те же песни и строить те же соборы; не могут японцы, негры, индийцы и немцы иметь одно и то же вероисповедание и жить одинаковой жизнью.

Если культура произрастает из расовой души народа, то религия тем более определяется расой и народом. *Поскольку культура в конечном смысле — это религиозная реальность. И всё искусство подвижно устремлением к Богу.*

Церковь защищает себя сегодня, как только может. Она пытается спасти то, что ещё можно спасти. Для этого хороша любая тактика. Девиз: только вера даёт блаженство! Сегодня всё должно вдруг стать христианским. Закон о предотвращении рождения потомства с наследственными заболеваниями раскритикован с церковной кафедры.⁴ Полюбуйтесь-ка! В этом — весь христианский склад ума в чистом виде!

Я спрашиваю: разве не христианство с его застывшими, чуждыми жизни догмами препятствовало торжеству национал-социалистической идеи и называло нас безбожниками и отрицателями только потому, что мы желали упорядочить, наконец, свою жизнь согласно законам Бога и природы? У церкви было две тысячи лет, чтобы принять меры для формирования в человечестве более чистых, устремлённых к возвышенному поколений. Она не только ничего не сделала, но в итоге выродилась в препятствие. Нет, сначала должны были прийти Вождь и его Движение, чтобы, порицаемые как еретики, распознать истинную божественную волю и воплотить её. Христианство оказалось несостоятельным, и потому пробил его смертный час.

В самом деле, можно было написать главу о христианстве с названием «Богохульство». Насколько могуществен и исключителен Бог! И как же его унизили христи-

⁴ Закон Третьего Рейха, вступивший в силу в 1934 году и предусматривавший принудительную стерилизацию граждан с генетическими заболеваниями.

ане! Там, где мы благоговейно и почтительно молчим, они произносят пропагандистские речи. Там, где нашу душу затрагивает смутное предчувствие и горячее стремление, они смеют вещать о познании и исполнении. Они втискивают божество в буквы и формулы, они спорят о догмах и словах уже много столетий. Они издеваются над властью Бога в смехотворных историях о чудесах, которыми можно обращать в их веру негров. Они накапливают церковные богатства и проповедуют бедность и самоотречение. Они занимались миссионерством на африканской равнине, в то время как величайший культурный народ клонился к политическому и религиозному упадку, а безбожники наступали шаг за шагом. Они восхваляли любовь к ближнему и единение во Христе и распадалась на бесчисленные конфессии и секты. Они проповедуют царство небесное и забывают, что оно означает нашу Германию, что оно находится на земле, что Бог вверил нам его как задание, которое мы должны выполнить. Они возводят дом своего Бога на еврейской истории. Поистине! Мы стоим у начал. Старикам наши слова могут показаться громкими и надменными. Они рождены из чистейшего, глубочайшего стремления, которому принадлежит мужество и пылкая вера немецких сердец и немецкой крови.

Каким будет путь к немецкой вере?

Он будет трудным. Потому что будет живой верой поступка, которая не терпит ни аскетов, ни болтунов, ни фантазёров, но требует цельных людей.

И он будет лёгким. Потому что хочет упорядочить нашу жизнь согласно естественным законам Бога. Потому что он — не что иное, как возвращение и осознание самих себя. Потому что он уже давно пробуждён в

немецких сердцах и настолько же прост, подлинен и понятен, как слова ребёнка.

Откуда берём мы силу для веры?

Мы верим в победу немецкой веры, потому что верим в величие немецкой сути. Если бы христиане могли представить, как глубоко и мощно воздействует эта вера, никто бы больше не говорил об идолопоклонстве, культе Вотана и поверхностности. Немецкое сердце достаточно велико, чтобы породить собственную веру.

Они, эти немцы, принадлежат к нордической крови. Они — потомки сильного, свободного, благочестивого рода. Сквозь их историю прошестьствовали герои, мужи их крови, придавшие миру новый облик, чьи свершения многие века влияли на людей. Их называют народом поэтов и мыслителей. Они пережили войну против всего мира и при этом становятся самым юным, самым энергичным народом. И разве эти немцы не обладают силой, чтобы проснуться и сформировать свою собственную веру? Веру, восходящую из глубины немецкой души. Утоляющую стремления, которые вызывали брожение и вели борьбу в немецких сердцах столетиями. С тех пор, как чужеземные священники принесли чуждое учение, не позволявшее нам стать немцами, но превращавшее нас в интернациональных христиан. С этого злосчастного и всё же направляемого судьбой времени и даже раньше.

Кто ещё сомневается в этом? Должно быть, он вовсе не немец.

В Бог

Наша вера опирается на две идеи: *Бог и народ*. Они — самые священные и возвышенные из известных нам идей.

Вопрос о глубочайших истоках нашей жизни стар как человеческий род. С тех пор как существуют люди, они размышляли и выясняли: кто — Бог? Где — Бог? Одни находили Его в свете, в природе, в жизни. Их религии были юными и сильными, потому что исходили из Вечного. И только здоровые и сильные народы могли быть носителями этой здоровой веры.

Другие не достигли такой глубины. Оттого что их сердца больше не бились чисто и мощно, оттого что их кровь была отравлена. Или оттого что их характер стремился к библейскому Богу. Как же народ, по земле которого «текли молоко и мёд» и которому небо подавало урожай в протянутые руки, мог достигнуть серьёзной веры в судьбу, присущей нордическому человеку, борвавшемуся с землёй и своей участью! Восточный человек, с родины которого к нам пришло христианство, оставался только созерцателем Бога. Его душа никогда не была способна взмывать к тем чистым вершинам, где нордический человек ступает мощно и благочестиво. И поскольку человеку Востока никогда не приходилось стяжать своего Бога, преодолевая сомнения и ведя поиски — он лишь видел, как Бог одарял и наказывал — ему не давал покоя вопрос: кто есть Бог? Так он создал себе образ той силы, о которой мы смеем только догадываться. Он придал ему форму, наделил языком, слабыми и силь-

ными сторонами человеческого духа. Он втиснул его в буквы и формулы. А христианская церковь в итоге опутала их цепями в Библии. Бог был всего лишь умным, могущественным существом в человеческом образе, восседавшем на своём троне в небесах как добрый отец или карающий хозяин, с которым можно говорить и торговаться, которого можно обмануть и перехитрить. «Священные писания» полны такого богохульства. Позже от этого еврейского бога несовершенства произошёл христианский бог. Дорогой, всезнающий отче, также сидящий на небе и давший свои заповеди нам, грешным земным червям.

Бог говорит: «Почитай отца и мать, да будет тебе благо и долголетен будешь на земле».

Конечно, мы хотим с благодарностью чтить своих родителей. Но мы отказываемся от вознаграждения за это в виде приятной, продолжительной жизни. Мы были бы ничтожными, неблагодарными детьми, если бы желали награды за самоочевидный долг. Мы не желаем наград, даже от Бога.

Что это за Бог, говорящий такие кощунственные слова? Наши сердца требуют более глубокого, более истинного благочестия. Что это вообще за Бог, позволяющий человечеству жить сотни тысяч лет без Иисуса, а затем повелевающий людям выполнять десять заповедей, само собой разумеющихся для всякого сколько-нибудь приличного человека; Бог, который спустя два тысячелетия уже должен уяснить себе, что он забыл самую важную заповедь: *«Храни чистоту своей крови!»*

Этот Бог не является подлинным Богом. Он – образ, придуманный церковью, которая без него утратила бы оправдание своего существования. Поэтому церковь се-

годня не допускает и мысли об отказе от одурачивания народов.

Они говорят о Боге любви. Любовь не может быть сутью божественного. Иначе ни народов, ни войн не существовало бы. Если бы премудрые теологи однажды покинули свои тесные кабинеты, отбросили пыльные книги и захотели взглянуть на природу, на жизнь! Побеждает не любовь, но сила. Сила воли, веры и крови. Сильные правят, слабые управляются. При этом о любви не спрашивают. Следовательно, мы не говорим о Боге любви. Если мы, ограниченные люди, способны осознать хотя бы один основополагающий признак Вечного, то именно силу — действующую во всём и во всём существующую силу, которая всегда остаётся для нас тайной. Поэтому мы не обращаемся с мольбами к дорогому боженьке.

Поэтому мы признаём могущественного Бога, Бога силы. Отсюда и наш идеал — не страдалец, а герой.

Немец рождается богоискателем. Его окончательное вопрошание не обращено к образу божества. Он слишком благочестив, чтобы осквернять предельную тайну, заключая её в некие формы. На протяжении тысячелетий тоска ведёт немца не к Божьему лику. Она побуждает его познавать волю той силы, которая действует во всём и во всём существует, искать следы этой силы — искать свет, искать истину. Потому он вечно будет богоискателем и созидателем. *Ведь такова сущность божественного: оно вечно остаётся для нас лишь предчувствием и стремлением.* Мы знаем только то, что оно существует. И даже если однажды люди полетят к звёздам, Бог всегда будет оставаться непостижимым для них.

Где Бог? Этот вопрос немец задаёт судьбе. Он отыскал ответ не в книгах, но там, где присутствие Бога очевидно: *в жизни*.

Германская религия света не была идолопоклонством и варварским культом. Где же вечное могло открываться германскому человеку в более чистом и могущественном проявлении, если не в той силе, что ежедневно сражается с тьмой и тем не менее каждый раз выходит победителем! Которая даёт земле жизнь и плодородность, а людям — свет и хлеб! И что есть стремление к свету и к жизни как не стремление к Богу! Не солнцем, этим огненным шаром, восхищался германец в священном благоговении, но вечной силой, которую солнце давало ему — силой, которая действует по ту сторону и превыше света и вокруг которой вращались его бытие и его тоска. Поэтому он не строил храмы для неё и не наделял её обликом. Не от неспособности, а из благочестия. И во всех нас по-прежнему присутствует часть световой веры предков, веры, рождённой в природе, из крови. Которая была сильной и простой, которая тысячелетиями испускает свет и будет корнем для нового благочестия от немецкого характера. Эта вера ближе к истинному и ближе к божественному, чем вымышленное учение Спасителя.

Мы и не желаем поклоняться солнцу и пробуждать формы, которые уже давно мертвы и минули. Сегодня мы живём не в каменном веке. Мы — люди XX столетия, эпохи моторов и машин. Но одно мы можем принять в качестве наследства: снова мыслить проще и верить бесхитростнее. *Мы, немцы, должны опять думать в значительной мере сердцем.*

Мы не можем больше верить попам. Мы больше не можем с такой наивностью и преданностью внимать их словам. Нам следует разоблачить суть того, о чём они вещают. Мы должны слушать подлинное, изначальное. Должны вновь стать людьми, для которых этот мир – их дом, где они твёрдо стоят обеими ногами и возделывают свою родину, превращая её в святую землю. Мы считаем себя повелителями машин. И часто забываем, что являемся детьми породившей нас Божьей земли. Однако это вовсе нас не умалает и не делает рабами. Это даёт нам чувство уверенности в своём мире, чувство защищённости на своей земле.

Мы отказываемся спорить о Боге. Он был, он есть и будет в вечности. Для понятия «вечное» мы, люди, слишком незначительны. Мы желаем не угадывать, но благоговейно молчать, предчувствовать сердцем и говорить сообразно вере.

Мы верим в того Бога – первооснову всего бытия, тайну всей жизни – который открывает себя в вечном становлении и гибели природы. Который через непрерывные подъёмы и спады шествует сквозь историю. Который является в грохоте сражений. Который бушует над морями и мчится по лесам в урагане и призывает нас быть сильными. Мы верим в Бога, который расположил нас, людей, на земле, дабы мы жили ради своего народа. Который наделил нашу кровь энергией, чтобы бороться и верить. Мы верим в Бога, чьё веселие излучают детские глаза. В Бога, который живёт в рудниках и на фабриках – везде, где веет дух труда. В Бога, который сияет в звёздах и пылает на знамёнах.

Бог пребывает над нами, высоко словно небосвод. Он действует вокруг нас. И мы носим Его самого в серд-

це как священное, чистое благо, что не возвышает нас над Ним. Это вызывает в нас трепет перед Его величием и простой истинностью. Это обязывает нас жить Им, то есть жить нам самим и придавать самим себе форму. Он вызывает и созидает в наших сердцах. Однако многие люди не слышат Его, поскольку воспитаны воскресной религией, с которой имеют дело в церкви. Ведь их не велик религии жизни, настолько здраво и глубоко коренящейся в Подлинном, что она кажется нам слишком незамысловатой и самоочевидной. Мы верим в живого Бога. На наш взгляд безбожно и поверхностно заключать вечное всемогущество в буквы и заставлять его вещать в некоем «священном писании».

Мы извлекаем свою веру не из букв и пустых заповедей. Мы черпаем её из повседневной жизни, из опыта народа и переживания истории, из расы и крови, из родной почвы.

Многие могут назвать это кощунством и высокомерием. Мы зовём это немецким благочестием.

Наше благочестие — если мы желаем назвать так связь человека с Богом — не требует никакого посредника. Наш путь к Богу является прямым и непосредственным. В этом — знак оцепенелости нашего времени, когда Бога ищут в книгах и проповедях, меж тем как в тысячу раз интенсивнее Он подступает к нам в жизни.

Кто думает о «священном писании», когда молчит ночью, созерцая простор мироздания, а его сердце содрогается в благоговении? *Один взгляд на звёзды говорит нам больше, нежели тысяча библейских слов.*

О чём я думаю в светлое утро пасхи? О том, что в природе всё зеленеет и распускается. О сияющем небе и солнечном свете. Кто думает об Иисусе на этом праздни-

стве пробуждающейся, покрывающейся зеленью земли? Мы все язычники. Ведь мы — дети Бога.

Кому нужен пастор, когда на торжественной демонстрации сто тысяч человек заявляют о своей сопричастности Германии и запевают «Нидерландское благодарение»?⁵ Это ли не непосредственное переживание Бога?

Можно ли отрицать, что непосредственность переживания Бога свидетельствует о сильнейшей сердечной вере? Можно ли утверждать, будто не несёт в своей душе глубочайшее благочестие тот, кто без посредников и без священников движется к божественным глубинам? Тот, кто стремится искать и познавать своего Бога, вечно и величественно шествующего по жизни? Тот, для кого все слова и догматы слишком малы и слишком тесны, кому буква закона и книжная заумь лишь преграждают путь к Богу? Кто там ещё желает говорить о ложной вере и безбожии? Какие же мы, язычники, благочестивые люди!

Мы оспариваем существование некоего человека, способного быть представителем божества на земле. Мы не согласны с тем, что он либо какой-то пастор в большей мере близки к своему Богу, чем ты и я. Пред Творцом и Благодетелем мы, люди, все равны. Он смотрит в сердце, а не на одеяние и присвоенную должность.

Я говорю, что самый могущественный папа римский вовсе не ближе к Богу, чем последний крестьянин-язычник, усердно обрабатывающий клочок земли. Я говорю, что многие папы, возомнившие себя представите-

⁵ *Niederländisches Dankgebet* — переложение на немецкий язык популярного в Германии старинного голландского гимна, более известного по первой строке «Wir treten zum Beten vor Gott den Gerechten» («Мы собираемся на молитву пред Богом праведников»).

лями своего Господа, а с ними и вся толпа священников, поджариваются сегодня в аду как несчастные грешники согласно их собственному учению. Я говорю, что в Библии не содержится абсолютной истины, Впрочем, как и истины относительной – *абсолютная истина покоится в вечных законах Божьей природы.*

Наше несчастье состоит в том, что мы имеем оплачиваемое сословие духовников, чья принадлежность к своему занятию, увы, лишь в редких случаях определяется призванием.

Если сегодня штурмфюрер⁶ говорит у могилы товарища о долге и вере, то его слова, пожалуй, не отличаются изяществом. Но они для него также священны и благочестивы. Не нужен никакой книжник, произносящий речь о божественных ценностях на основании своих штудий. Нужен человек, доказывающий свою веру жизнью, посредством примера собственного прошлого.

Тот, кому никогда не приходилось в тяжёлые времена зарабатывать на хлеб трудом своих рук и усилием ума, не должен выступать с кафедры и вещать о вере и о надежде. Он не знает жизни. *Там где есть труд, есть жизнь. Там, где есть жизнь, живёт Бог.*

Когда-нибудь командир роты будет сам воспитывать из своих солдат верующих немцев и самостоятельно устраивать празднества. И я полагаю, это удастся ему лучше, чем какому-либо священнику, которому некое интернациональное учреждение воспрещает становиться солдатом.

⁶ Штурмфюрер – звание в СА (штурмовых отрядах национал-социалистической партии), соответствовавшее армейскому званию лейтенанта.

Наше богослужение будет и выглядеть иначе. Они называют богослужением посещение церкви. Это звучит так, как будто можно выполнять свои обязанности перед Богом два часа по утрам с помощью молитв, песнопений и раздумий. Тогда грехи прощаются. И можно грешить снова.

Богослужение для нас – это жизнь, это долг. Богослужение – это служение народу, от самого начала и до последнего биения сердца. Маловерен тот, кто злоупотребляет этим великим словом, называя им какой-то длящийся с 9 до 11 часов церковный обряд.

Мы не хотим сносить соборы. Мы желаем наполнить их новым духом, провозгласить в них новую веру. Но соборы для нас – это и места, священные для Движения, это площади для собраний и залы, в которых народ объединяется, чтобы заявить о своей сопричастности Германии. Однако нет собора прекраснее и могущественнее, чем природа: в ней Бог живёт и говорит с нами.

Городские и сельские общины будут собираться на торжества в родовых домах и залах почитания не как конфессии или секты, но как общность народа, общность крови, общность веры. И каждый должен оказывать содействие в устройении этих праздников. Измученный, искажённый от боли образ Распятого исчезнет. *Вместо того чтобы носить на своих спинах кресты, наши герои должны взять в руки мечи.* Вечным увещателем и глашатаем будет солдат, павший в мировую войну. А с ним и все те, кто когда-либо гибли за Германию. Эти герои станут нашими святыми. Их примерами немцы должны укреплять свои сердца. Тогда не будет больше места для крестных ходов, веры в мощи и ближнево-

сточных комплексов грешника. Батальоны и роты железным шагом замаршируют прочь от них. Нам надлежит снять одеяние кающихся грешников и стать народом из солдат. Солдат войны, солдат труда. Солдат народа.

Более того, каждый должен искать свой путь к Божественному. Ведь все различны. И перед каждым стоит задача жить самостоятельно. Не ради себя. Ради общности, к которой он принадлежит. *Жизнь в Боге означает жить своей самобытностью, сообразно своему немецкому характеру и слушаться голоса крови.*

Временами человек вынужден покидать народную общность, чтобы побыть наедине с самим собой и со своим Богом. Тогда никто не может ему помочь, потому что у каждого своя судьба. Эти часы одиночества не пропадают даром — напротив, они плодотворны. Поскольку дают человеку силу, которую он передаёт общности.

Спрашивается, должен ли человек молиться.

Конечно, он может молиться. Но не бубнить трусливые прошения. И не умолять о пощаде и милосердии. Божество слишком величественно и слишком могущественно для человека, чтобы тот мог постоянно обращаться к нему с просьбами об исполнении своих желаний. Это было бы слишком малодушно и слишком похристиански. Его молитвы — это рапорты самому себе, исповеди в том виде, как они представлены в речах Гуттена.⁷ Не перед людьми, но перед Богом и собственной совестью.

⁷ Ульрих фон Гуттен (1488-1523) — немецкий гуманист, мастер сатиры и политической публицистики, идеолог Рыцарского восстания 1522 года. В своих произведениях он отстаивал старинные рыцарские идеалы, пропагандировал античное наследие, выступал за создание единого немецкого централизованного государства, остроумно высмеивал пороки знати, попов и мещан.

Его молитвы — это диалоги со своим Богом без посредника и в трудные времена, беседы с Богом, коего человек воспринимает как вышнее присутствие и ни о чём не упрашивает; близость и непосредственность Бога придаёт ему энергию и мужество преодолевать тяжёлые удары судьбы. Его молитвы — это клятвы и священные обеты выполнить свой долг и быть стойким в жизни и в смерти.

Человек не просит, чтобы чаша сия миновала его. Он просит силы и твёрдости, дабы выстоять в борьбе с жизнью и её бурями. И если от него отвернутся все люди и покинет удача, он не опустится с плачем на колени. Ему не даёт согнуться доверие к Богу, которое невозможно купить и выпросить, которое покоится в сердце и служит последней опорой и самой глубокой мыслью.

Воистину, выдуманное попами многословие и красноречие не имеет ничего общего с мужественной молитвой. Порою достаточно только внутренне овладеть собой на миг, выпрямиться и дать клятву, взглянуть на Вождя или на знамя, услышать речь друга или вдохновиться природой.

Порою это жаркие, многодневные внутренние сражения в душе — отчаянные времена, через преодоление которых приходят к свету.

И в следующий раз достаточно лишь одного слова, исходящего из сердца как убеждение, как стремление или как предельная вера: *Германия*.

О Германии

Мне неведомо слово, которое звучит красивее, которое более ценно и священно, чем это: Германия!

Она — родина, ток крови, стремление, убеждение, вера.

Я рождён для Германии. Ей предназначается моя жизнь и моя смерть. Я не свободен, если она в оковах. Я не могу жить, если она умирает. Ведь без Германии моя жизнь не имеет смысла. Она являет собой священное благо, каковое я несу в себе. Последнюю опору и конечную мысль всех моих поступков.

Германия превосходит то, что я могу высказать словами.

Я видел альпийских гигантов в пыли вечернего солнца и в прохладной утренней мгле. Я бродил по пустоши и впитывал в себя одиночество. Я взбирался на горы и шагал по цветущим долинам. Я слушал говор лесов и их шелест. Я проникался морем, его спокойным простором, его шумом и рёвом, гласом мчащегося над волнами шторма. Я взмывал к облакам, когда занималась заря. Моё сердце билось свободней и чаще.

Я был повсюду дома. Везде я чувствовал мать, родину — Германию.

Я бывал у крестьянина в поле и вёл с ним задушевную беседу. Я ходил на общественные работы и замечал серьёзность и веру в облик трудящихся. Я был солдатом и вменял себе долг в закон. Я сидел в кругу весёлой молодёжи и видел радостный блеск в юных глазах. Я

ощущал нечто вроде тоски, которая зовёт немцев в чужих странах на родину.

И всюду я чувствовал Германию. Потому что она больше и шире, чем море, чем облака и пустошь. *Германия везде, где немецкая кровь пульсирует в немецких сердцах.*

Да, она ещё более могущественна, ещё более священна. Я знаю это, ведь я — дитя великой войны. Ведь я боролся за новый Рейх. Германия больше, чем родина немцев. Больше, чем общность крови.

Германия повсюду. И всё же её никогда не было. И никогда не будет. *Поскольку она — вечная божественная задача для всех немцев во все времена.* Никогда немцы не обретут свою Германию, хотя сами и живут в ней. Вечно надлежит им искать и сражаться. Такова их судьба и их счастье. Германия — это больше, чем географическое понятие.

Германия — это идея. Потому что она вечна.

Напрасно искали мы слово «отечество» в книгах и заповедях христиан. Где же согласно Библии находится отечество? Только в потустороннем мире. Но наша отчизна пребывает не на небесах, не в Иудее и не в Риме. *Наша отчизна зовётся Германией. Она находится на земле, и она вечна, божественна, священна. Тот, кто посвящает себя ей, совершает богослужение.*

Два тысячелетия церковь проповедовала любовь. Она верит в десять заповедей и забыла самую важную:

Возлюби прежде всего своё отечество — вечное, божественное, священное. Посвяти ему свою жизнь и пожертвуй собой, умерев за него!

Нельзя сказать, что эта заповедь самоочевидна. Для христианской церкви она никогда не являлась таковой.

Сегодня католическая церковь, как и пятьсот лет назад, всё ещё борется за христианское церковное государство, в котором народы склоняются перед крестом.

Церковь, получающая указания о следовании своей вере от главы этой интернациональной власти, – не немецкая церковь. И она никогда не станет немецкой.

Однако и в евангелической церкви любовь к Иудее затмевает любовь к отечеству. Иначе она не смогла бы проспать великий момент пробуждения. Иначе она не нуждалась бы в молебне о заступничестве за народное голосование в Сааре.⁸ Сначала следовало бы помолиться за Германию. Не должно ли это быть для церкви очевидным? Если судить по действиям христианской церкви, нет.

Нет! Церковь до сих пор не поняла призвания народов. Она попирала ногами природу, начиная с рождения Христа и до сегодняшнего дня.

Мы верим в сильного Бога. Мы верим, что этот Бог сотворил народы. И каждому народу он дал задачу жить самостоятельно, согласно собственному своеобразие, и бороться за себя. У всякого народа есть право на жизнь и

⁸ Саар – земля Германии, граничащая с Францией и Люксембургом. В 1920 году в результате поражения Германии в Первой мировой войне этот регион согласно Версальскому договору был передан в управление Лиги Наций, а его угольные шахты объявлены французской собственностью. Позднее туда были введены французские колониальные войска, укомплектованные арабами из Марокко и неграми из Сенегала. После прихода к власти национал-социалистов Саарская область стала убежищем для противников нового режима (евреев, коммунистов, социал-демократов и религиозных оппозиционеров обеих конфессий). В январе 1935 года состоялся референдум о статусе Саара, на котором 90 процентов избирателей проголосовали за вхождение в Третий рейх. Более двух третей верующих в Саарской области составляли католики. Евангелическая церковь, за исключением патриотически ориентированной группы («Немецкой евангелической церкви»), вела агитацию против присоединения региона к Германии и за сохранение статуса-кво.

на уважение, если он того заслуживает своим благородным характером. И у всякого человека есть железная обязанность в первую очередь служить своему народу, посвящать ему своё существование. Это звучит так просто и самоочевидно. Но именно поэтому и столь чуждо для многих людей, поскольку они, слишком образованные и чересчур вышколенные, мечтают о царстве не от мира сего.

Германия – наше отечество, для нас она является откровением Божественного. Заданием и поручением от вечности. Поэтому мы не можем разделять Германию и Божественное. Немецкая душа свободна лишь тогда, когда вера в Бога и вера в Германию спаяны в одну пылкую веру и образуют нерасторжимый союз. Потому что вера в Германию – это вместе с тем и утверждение Бога. Если мы служим одному, то должны трудиться и для другого. Только интернациональное, чуждое миру христианство полагает, что можно отделять Творца от его творения. И оттого оно вынуждено отделять себя от народа.

Поэтому наш народ – это религиозная реальность. Поэтому Германия – это религиозная идея.

Мы верим в эту Германию. И мы не можем одновременно верить в потустороннее царство, так как должны жить для своего народа, а не ради личного блаженства. Мы также не можем принадлежать Ближнему Востоку, к которому немцев доныне призывают колокола. Потому что наша священная земля – Германия. И мы не можем слушать болтовню оторванных от жизни попов. Ведь тот, кто верит в Рим, не способен верить в Германию. Мы не можем жить двумя различными верами. В

наших сердцах есть место только для одной веры, только для одного убеждения: Германии!

Германия — это вечное понятие. Если христианство когда-нибудь отойдёт в прошлое, Германия только начнёт жить.

Христиане говорят: «Немецкая вера? Нет! Народу требуется нечто, за что он может ухватиться. Народу нужен зримый образец, опора. И это — Иисус!»

Мы говорим: «Действительно, народу нужна поддержка, с помощью которой он может выпрямиться и укрепить себя. Но этой поддержкой является доверие к собственной силе, вера в своё будущее. И если необходимы образцы, то немецкий народ несомненно может обойтись без иностранных вождей. Ведь у него достаточно сыновей — мужей, которые подают миру пример. Мы не нуждаемся в образцах, чуждых нашему характеру и нашему народу. Своих вождей мы находим в великих немцах прошлого и в великих людях настоящего».

Странно! О самом очевидном никогда не думают в первую очередь.

Вера в Библию и в Иисуса будет преодолена, когда все немцы найдут своё служение Богу в созидании ради народа и Рейха. Тогда они станут религиозны без мыслей о спасении во Христе, потому что будут осознанно выполнять задачу, которую Бог предназначил им как людям.

Немцы никогда не позволяли себе равняться на Христа. Он — страдалец. Нам нужен народ из бойцов и героев. *Мы хотим воспитывать не любящих, но героических людей.* Это наш долг перед Творцом.

Спаситель — благородная фигура. Эгоистичные и властолюбивые людишки сделали его учение посмеши-

щем, они осквернили и предали его чистую душу. Воистину! Если бы Учитель сегодня мог воскреснуть и посмотреть, во что люди превратили его жизнь и его слова, то он взял бы кнут и вышиб попов из их приходов, как когда-то прогнал менял из храма.

Мы уважаем Спасителя. Но мы не любим его. И отвергаем его как вождя. Нам не нужны страдальцы, которые идут по жизни словно сущие глупцы, отрекаются от мира и умирают ради неба. Нам нужны вожди, которые могут ударять мечом, которые бросают себе вызов на высотах и в глубинах, жестокий мир для них — родной дом, где они ведут борьбу с судьбой.

Любовь к ближнему остаётся вечной теорией. В течение двух тысяч лет церковь пыталась превратить людей в любящих братьев. Она не смогла объединить даже один народ, не говоря уже о том, чтобы принести спокойствие целому миру. Во имя любви она истребила и свела в могилу миллионы людей. Это она называла практикой любви к ближнему.

Больше нет места для этого вида любви. Его заменила германско-немецкая общность народа и крови. Она сплотила наш народ. Не верой в Иисуса, но верой в Вечную Германию! Эта вера была создана для практики. И она будет проповедоваться в Германии — мы в этом клянёмся! — пока однажды её не разделят все немцы. И мы будем жить этой верой, пока она не станет жизнью всего народа. Христианская вера уже давно не пылающий огонь, который взмывает к небесам. Она опустилась до утешительного средства. Если сегодня попы призовут к борьбе, к крестовому походу за свою святую церковь, то их испугает та небольшая группка верующих, которая

всё ещё готова рискнуть своей жизнью ради идеи церкви.

Но если отечество призовет к оружию, то поднимется вооружённый народ. Восстанут сердца.

Ценность веры можно измерить теми благами, которые люди бросают ради неё на чашу весов. Ради христианской веры немецкий обыватель жертвует сегодня своими церковными налогами, грошовыми подавками, в крайнем случае – воскресным утром. С верой в Германию погибли наши лучшие люди. Солдат, умирающий за христианскую церковь, – это насмешка над солдатской смертью. Умирают только ради того, во что верят. И наоборот: верят в то, за что стоит умереть.

Осквернением смерти за отечество я по сей день считаю слова одного попа, произнесённые им в день памяти павших героев. Он сказал: «Можно, пожалуй, иногда умирать с верой в верность или в Германию. Но лучший солдат – это христианин, умирающий ради Христа». Такую дискредитацию наших героев войны и их готовности жертвовать собой я отношу к присущему попам общему отчуждению от мира. И этому нет оправдания.

В мировую войну ополченца-христианина с почестями предавали земле. Хотя ни один солдат на фронте не отдал свою жизнь за христианство. Немецкий солдат поднялся из кровавых траншей в борьбе народов. Силой сражаться и умирать его наделила именно вера в Германию, которая священна. И сегодня в Германии нет христианских солдат. Солдаты принадлежат своему отечеству.

Христианство не может быть целью для солдата. Цель солдата – это честь народа, которому он служит.

Христианство не может оставаться даже воодушевляющей силой. Ведь она — вера слабых и ничтожных. Арндта, Бисмарка и Шиллера не следует постоянно называть великими христианами. Они были в большей степени не христианами, а немцами. Сравните как-нибудь при случае «Катехизис немецкого воина и ополченца» Арндта с десятью заповедями или с кроткими требованиями «Нового завета». Тот, кто и после этого продолжает утверждать, будто немецкое и христианское составляют одно целое, либо глупец, либо трус. И такие люди безнадежны.

Нас упрекают в том, что мы якобы язычники. Необходимо прояснить данное понятие. Язычник — это любой, кто не верит во Христа. Но тот, кто не исповедует христианство, ещё далеко не безбожник — просто он верит в какого-то другого бога. И всё же этих язычников насчитывается две трети человечества. Насколько же самоуверенна христианская церковь, возводящая свою догму в единственную истину для целого мира! Что же это за Бог, одаряющий милостью и блаженством малую часть человечества и отказывающий в милости большей части, бросая её на произвол порочности и греховности дьявола!

Однако лишь немногие из этих язычников действительно являются безбожниками. Напротив, они создали религию, соответствующую их характеру. Храни их Бог от безумия христианской идеи человечества! Мы познали собственным нутром, каково это — стать чуждыми самим себе. Никакому народу мы не желаем этого болезненного, губительного заражения. Мы не будем скорбеть о попе, которого убьют язычники, ведь он хочет похитить их сокровенную святыню. И мы рекомендуем им дей-

ствовать по примеру фризов, которые отправили святого Бонифация вместе с его свитой на небеса. Жаль, что поздно. Ведь он уже продал немцев Риму.

Поэтому слово «язычник» — почётное звание. *Впрочем, нам всё равно, называют нас еретиками или язычниками, если мы просто являемся хорошими немцами.*

Когда мы провозглашаем веру в Вечную Германию, то тем самым завершаем эпоху религиозных распрей. Кто же из нас не желает признаться в приверженности этой вере? Он был бы преступником и предателем, и ему не нашлось бы места среди нас. Если мы возвышаем перед немцами их отечество, их народ, до религиозной задачи, то это больше не может означать: «отдавайте кайзеру то, что принадлежит кайзеру, а церкви то, что принадлежит церкви».⁹ Тогда мы знаем только одну заповедь: *всё для Германии!*

Но тот, кто верит в Германию, также верит и в Бога. А тому, кто избрал своим вождём Христа, нет нужды верить в Германию. Христианство интернационально. А мы — немцы. Следовательно, мы не можем быть христианами.

Нас спрашивают: как будет называться ваша догма?

Мы отвергаем всякую догму. Догмы жестки и неподатливы. Мы желаем живой веры. Догмы вообще являются смертью любой религии. Ведь вера не позволяет втискивать себя в формулы и правила. *Верой живут, или это не вера.*

⁹ Отсылка к словам Иисуса Христа «отдавайте кесарю кесарево, а богу богово» (Евангелие от Матфея, глава 22, стихи 15-21), которые определяют христианское отношение к политике и религии и отделяют служение государству от служения Богу.

Не о догмах, а о новой позиции хотим мы говорить. *О твёрдой, простой, языческой жизненной позиции.* Она нужна нам больше, чем Библия и догмы. Мы желаем привить её немцам, то есть подать пример жизни, чтобы они могли выжить. *Религия – это жизненная позиция.* Наша позиция больше не имеет ничего общего с христианством. Эра святых и попов заканчивается. Мы начинаем эру солдат.

Нас спрашивают о том, есть ли некое определение нашей веры.

О наших убеждениях уже заходила речь. Никто не может сомневаться в этом. Здесь не о чем спорить. Но мы не ограничиваемся лишь убеждениями. Убеждения бесполезны, если не действуют сообразно с ними. Их не проговаривают. Ими нужно жить. Их отстаивают не на церковной кафедре, но мечом в сражении. Нам не нравится разглагольствовать об этом. Мы не принадлежим к тем, кто испытывает необходимость постоянно клясться в своей любви к Германии и верности Вождю посредством зажигательных телеграмм и длинных статей.

Мы поклялись в верности один раз. Подлец тот, кто нарушает эту клятву.

Однако такой формулой веры для национальной религии, если её вообще нужно выражать одной фразой, будет:

Я верю в сильного Бога и вечную Германию!

Жизни

Жизнь вечна. Она разливается как река крови, истекающая из вечности и несомая поколениями через эпохи, и устремляется обратно в простор Божественного.

Жизнь является тайной. Она не начинается рождением и не завершается смертью. Она — цветение, созревание и плодоношение. Она есть свет, который никогда не угасает и который мы вечно ищем.

Жизнь суть волны моря, постоянно поднимающиеся и опускающиеся в чередовании приливов и отливов как мысли Бога, в которых он шествует по истории. Однажды сотворённые, они рождаются снова и снова.

Жизнь — это деяния на пути героя. Которые устремляют к горам и пропастям, сквозь ночь к свету. Жизнь — это Божье дыхание, веющее по миру в становлении и гибели.

Звеном в цепи вечности является наша жизнь. Крошечный отрезок в пространстве Бога. Но для нас, людей, огромное обязательство.

Во что превратили эту жизнь люди ничтожные? Зачатие опозорили как грех. Женщину и мать как носительницу жизни обесчестили, назвав греховным сосудом и дьявольским искушением. Её низвели до служанки мужчины. Таковы грехи христианства, презирающего самые изначальные и наиболее естественные законы природы; и превзойти его в этом удалось лишь большевизму.

Жизнь была не более чем приготовлением к смерти, открывавшим врата к вечной жизни. Чем больше отрека-

лись от жизни, тем вернее было обретение небесного блаженства, жизни без забот и мучений. В этом отречении от жизни — мы бы сказали отрицании жизни — церковные святые всегда пытались перещеголять самих себя. Самые здоровые радости жизни отвергались как соблазны дьявола, а влечение к ним подавлялось. Они жили в грязи и ходили в лохмотьях, влачили жалкое существование, питаясь отбросами и выпрашивая гроши, ютились в пещерах и клетях, чтобы дожидаться там смерти, избавлявшей их от всех страданий. Это они называли жизнью. Затем они уползали в монастыри и пустыни. Но природа брала своё. И оттого святые и попы грешили больше, чем Бог мог когда-либо прощать.

Пришло время для чтения в школе «Поповского зеркала»,¹⁰ чтобы пусть не старики, но хотя бы юноши пробуждались и больше не бегали к попам. Ведь теория греха и учение о милости может быть только выдумкойсловия священников, которое без неё не способно существовать. Запугивание людей муками страшного суда, проповедь первородного греха и милости Иисуса как единственного пути спасения выгодны лишь сильным мира сего в церковных приходах. Но если люди придут к мысли о том, чтобы вместо страдания и отрицания находить смысл жизни в борьбе и в утверждении, то церковь рассыплется как карточный домик при порыве ветра.

¹⁰ Речь идёт о книге немецкого писателя Отто фон Корвина (1812 – 1886) «Поповское зеркало. Исторический памятник христианскому фанатизму» [Otto von Corvin. *Der Pfaffenspiegel – Historische Denkmale des christlichen Fanatismus*]. Этот труд, изданный в 1845 году, посвящён резкой критике безнравственности и развращённости священников и монахов, коррупции и алчности церковных властей и их многочисленных злодеяний и преступлений.

Одна из величайших бестактностей в мировой истории состоит в том, что две тысячи лет христианская церковь заставляет своих верующих стоять на коленях перед Спасителем, который пригвождён к кресту, рыдает, истекает кровью и выставлен на всеобщее обозрение с искажённым от боли лицом и извивающимся телом, чтобы несчастным грешникам даже не приходила в голову мысль о том, что можно нести ответственность за самих себя. Я видел изображение покаянной процессии, в которой закутанные в рясы фигуры плелись по улицам, волоча гигантские деревянные кресты. Это вообще люди? Разве они не рабы?

Для чего Бог дал нам жизнь? Мы благоговеем перед могущественным Богом. Но это уж слишком. Прямотаки холопское отношение, трусость. И это не преувеличение. Таково самое прямое следствие христианского учения об отречении и о потустороннем мире. И если сегодня большинство немцев осознают по Божьей воле данное безумие и данное преступление, то уж не из-за того, что они следуют чистому христианству, а потому что немец в них сильнее христианина. Потому что здравый смысл раскрыл им глаза.

Сегодня мы начинаем провозглашать святость жизни, поскольку ощущаем в ней действие божественных сил. Родиться, повзрослеть, умереть — вот вечный жизненный круговорот.

Мать — священный символ для нас. В её лоне созревает плод, благодаря чему она распространяет жизнь от поколения к поколению, тот поток крови, который связывает всех нас, потомков и предков. И есть ли более божественное, более великое чудо, чем рождение? Ничтожные и заблудшие люди низвели его до неизбежного

зла и назвали себя избранниками Господа. А где же, как не в детском смехе, жизнь находит своё наиболее чистое и кипучее проявление!

Место и роль женщины в христианской и, с другой стороны, в германской жизни характеризуют одновременно ценность и глубину обеих религий. История появления женщины в Библии — мы воспринимаем её только символически — это насмешка над всем женским. Ева была создана из ребра мужчины. И со времён грехопадения в раю женщина являет собой начало всякого греха и скверны. И как благородно выразил германец возникновение женщины в саге! Она произрастает от ствола дерева, из природы. И потому в её сущности было нечто возвышенное и священное, что чтит мужчина. Наиболее благородная женщина возводилась в жрицы. И отношение полов друг к другу было таким же здоровым и естественным, как сама вера. Сперва должно было прийти христианство, чтобы своей ближневосточной моралью привнести в эти чистые отношения пошлость и низость. И с тех пор мы из-за этого страдаем. Свет не пришёл с Востока. Он издавна сиял в немецких землях, более чистый и более сильный, нежели солнце Иерусалима. Пройдёт ещё много времени, прежде чем мы полностью преодолеем грехи христианства и снова будем больше похожи на наших предков, чем на отрицателей с Ближнего Востока.

Христианство сконструировало себе веру в потусторонний мир. Его царство — не от мира сего. Земная жизнь является только подготовкой к этому царству. И теперь люди пребывают в постоянном ужасе перед Страшным судом, на котором небесный Отец определяет готовность своих детей к небу или аду. Только тот полу-

чит блаженство, кто воздаёт должное священникам и выполняет заповеди. Он будет жить на небесах без забот и в радости.

Как ничтожна для нас и как чужда нам, немцам, эта вера! Она не достигает нашего благочестия. И немцы понимали, что она ни богоугодна, ни естественна. Две тысячи лет назад жил один благородный человек. Чистый и набожный он шёл по жизни и проповедовал о царствии небесном. Мы не считаем себя его сторонниками, потому что видим своё призвание в борьбе на земле.

Но во что попы превратили его учение! Христианская вера в её нынешней форме есть не что иное, как умело и хладнокровно придуманное поповское изобретение, рассчитанное на человеческую глупость и наивность. Кто же ещё получает выгоду от того, что запуганное человечество ползает под крестом и убегает от жизни? Тысячи лет люди населяли землю, и она была их домом. И вдруг оказывается, что их родина находится на небе. Не потому, что Бог желает этого. А исключительно оттого, что один благочестивый человек когда-то покинул землю, и оттого, что это одобряют попы. Потому что таким образом они могут склонять перед собой человечество и подавлять его так, как им заблагорассудится. Сколько несчастий и проклятий принесло это учение людям! Сколько крови пролито напрасно и отнято у народов! Как может быть божественной вера, которая попирает природу, не знает никакого отечества и никакой национальной чести!

Мы смотрим на жизнь другими глазами. Жизнь — это не дар. Горе тому, кто верит, что он может спокойно наслаждаться ею, как ему угодно. Он предаёт целост-

ность бытия и не заслуживает воздуха, которым дышит. Нам не даётся даром то, что мы не заработали сами. Земля — не рай. Она является полем битвы людей. И только бойцу предназначается победа. Жизнь — это не юдоль печали на земле. Такова она лишь для грезящих о царстве в потустороннем мире. Юдоль печали или нет — всегда зависит от самого человека. У нас нет ни времени, ни причины на жалобы. Жизнь у нас лишь одна. Подумайте об этом!

Неправда, что человек — раб своего времени. Он способен на многое, если только захочет. Лишь трус возлагает ответственность за нужду и рабство на время и обстоятельства. Храбрый и сильный преодолевает нужду. И мы говорим о великом времени только потому, что его люди были великими и сильными. *Поэтому не бывает слабых времён. Слабыми бывают только люди.*

Жизнь — это поручение от вечности. Бог доверил её нам как драгоценное, священное благо, каковым нам надлежит владеть. Жизнь является заданием, и мы должны выполнить это обязательство перед Всевышним. Задание заключается в служении своему народу. Поскольку только так мы действуем в соответствии с замыслом Того, кто нам его дал. У каждого человека есть задача жить самостоятельно. Это означает так проявить всю свою энергию и все свои способности, чтобы в итоге он мог сказать: то, что я был в состоянии сделать как человек, я сделал.

И к тому же у него есть долг потратить эту энергию не на себя, не на церковь и не на собственное личное блаженство. Он должен посвятить её своему народу. Ведь только в общности он является полезным звеном. Труд последнего подметальщика улиц ценнее жизни ты-

сячи святых братьев в монастырях, которые крадут её у своего народа молитвами и бичеванием. В жизни мы не должны вопрошать о самих себе. Нам надлежит сражаться на жизненном пути, повинувшись голосу крови, служа сообществу и чтя Бога. Мы также не должны просить награды. Наша награда — это счастье быть немцами и возможность трудиться ради великого Рейха. И нам не требуется небесное блаженство. Ведь наше царство — от этого мира. Но оно более божественно и более прекрасно, чем полагают «малые сии».¹¹

Наша жизнь — звено в вечной цепи нашего народа. Этот народ старше царства церкви. Он жил задолго до того, как в Германии зазвонили колокола и чужеземные священники разрушили его храмы. Наши предки служили ему. Лучшие отдали свою жизнь за него. Мы рождены для этого народа.

Что такое сегодня крещение? Что такое конфирмация? Это когда становятся — обязаны стать — членом одной из конфессий. Уже в первый год жизни юные немцы разделяются на католиков, протестантов и бесчисленные секты. *Когда-нибудь мы будем принимать новорождённых в общность народа.* Не как католиков, не как протестантов, но как немцев, как наше будущее от нашей крови. И мы не будем добиваться блаженства святой водой и молитвами. Мы будем удостаиваться чести быть цельными немцами.

В будущем также будет только одно немецкое освящение супружества. Браки не будут заключаться во

¹¹ Выражение из Нового завета, относящееся к сирым, убогим, больным и нищим духом, к которым обращена проповедь Христа и которым обещано царствие небесное как антитеза грешному и полному страданий земному миру.

имя церкви. *Браки будут посвящаться народной общности.* Потому что народу принадлежат не только труд и налоги. Мы преданы народу телом и душой. Народу предназначается наш брак, для народа рождаются наши дети, народу принадлежит вся наша жизнь. И вся наша вера.

Мы принимаем жизнь со всеми её вызовами, взлётами и падениями, трудностями и радостями. Ведь мы находимся на земле, чтобы жить и хорошо чувствовать себя на ней. Она — наша родина. От неё мы рождены. В её материнском лоне мы уверены и пребываем в безопасности. Мы вовсе не хотим убегать от земли. Потому что она — мать жизни. А мы любим и утверждаем жизнь.

Маловерным мир кажется слишком большим и слишком мрачным. Для легкомысленных он слишком мал и не достаточно красив. Мы же видим мир таким, каков он есть. Для нас в его суровости заключена красота. И сражаться за неё — таково наше желание и стремление.

Люди спорят о назначении жизни на земле и о смысле существования. Им следовало бы больше трудиться, чем болтать. Жизнь не принадлежит ни церкви, ни нам самим. Она предназначена нашему отечеству.

Жизнь без целей и труда — ничто. Многие люди ставят перед собой очень близкую цель. Для этого им часто нужно только протянуть руку. Они достигают цели практически без усилий. Обычно их вполне удовлетворяет уже то, что они обеспечили себе личную выгоду или сиюминутное удобство. Таковы корыстолюбцы, лентяи и трусы. Идеалы им недоступны. Мы называем их обывателями. И их жизнь — это не жизнь, но пресмыкание и набивание своего брюха.

Другие люди располагают свои цели на звёздах. Они увлекаются пустыми фразами и никогда не добиваются желаемого. Мы называем их мечтателями. Их жизнь — это не жизнь, но грёзы и непостоянство, бессмысленная игра.

Однако если человек избрал высокую цель в качестве руководящего принципа и идеала, который он желает воплотить посредством борьбы, то он — идеалист. Мы не можем быть идеальными. Ведь мы не ангелы и не хотим быть ими. *Но мы обязаны идеалистически мыслить, чувствовать, сражаться — мы обязаны идеалистически жить.*

Перед нами лежит путь. Он может быть освещённым солнцем или каменистым. Мы должны пройти его. Ведь над нами и перед нами находится цель, которой предназначена наша жизнь: Германия!

Тому, кто желает жить, необходим девиз. Для нас им будет не любовь, а борьба. Поскольку жизнь — это не покой, не приспособление, не смирение и не присловье «аминь». Она — шторм, устремление вперёд и вверх, она — борьба. Жизнь является напряжением между добром и злом, ненавистью и любовью, сердцем и долгом, крестом и мечом. И одержать победу должен меч. Тому, кто шагает по миру с открытыми глазами, он вещает одно: *в жизни побеждает не любовь, а сила.* И тот, кто желает жить, обязан бороться. Иначе он не выдержит жизнь.

Тому, кто желает жить, необходима позиция. Наша позиция может быть только героической, прямолинейной и отважной. Ведь только герой покоряет мир. Страдалец избегает его. Поэтому любовь не должна главенствовать в нашей жизни. Нам необходимы более суровые законы, ибо жизнь сурова. Следовательно, мы мо-

жем принимать в расчёт лишь героическую, солдатскую позицию. Мы чахнем от того, что почти утратили надлежащий человеческий облик. Немецкий народ стал слабым, ведь ему дали страдальцев в качестве примера для подражания.

Привилегия солдата состоит в том, что он желает иметь всё, поскольку обязан всё отдавать. Его мораль не имеет ничего общего с принятыми в буржуазном обществе нормами приличия. Его мораль — это мораль сильного, здорового и естественного. Мораль жизни, стихийной силы, которая никогда не пребывает в покое и всегда должна созидать. Солдат привык жить полной мерой. Инертная, праздная и неполноценная жизнь салонных героев и разодетых щёголей ему не подходит. Он должен идти по иному пути со своей переливающейся через край волей к жизни, которая необходима ему, чтобы выдержать жизнь в её крайних проявлениях. Во всякое мгновение он обязан быть готовым рискнуть всем, всем пожертвовать. В любое время может раздаться звук трубы, которая призовет его на поле битвы. Но в любое время он должен уметь сказать себе: «Ты сделал то, что мог сделать как мужчина. Тебе не нужно сожалеть ни о едином дне, растроченном на леность и полумеры».

Долг поглощает жизнь солдата целиком. Поэтому он предъявляет к жизни максимальные требования. У него есть право на это. Он не ведает границ в своей вере, в своём безрассудстве, в своей любви и в своей ненависти. Его мерой является чрезмерное.

Он повсюду, где критическая ситуация. Он приходит незванным. Ведь он ищет борьбу ради борьбы. Солдат не желает награды. Его награда — это счастье иметь возможность служить. Солдат не хочет благодарности. Са-

мое большее, что его беспокоит — это подобающая смерть. С жизнью он и сам вполне управляется. Солдату не нужно признание. Его поступки и так известны ему. О них не стоит говорить. Особенно рассказывать о них не-солдатам. Солдат не желает особых прав. У него достаточно обязанностей. Но он сражается за права своего народа. Солдату не требуется церковь. Потому что он живёт благочестиво. Солдат не может плакать. Зато он громче смеётся.

Солдат умирает не громко. Зато более стойко и красиво. Солдат не отправляется на небеса. Он вообще-то грешник. Но он приобщается к бессмертию своего народа.

Он по сути славный парень. А нам нужны славные парни.

Ведь наша задача — быть героями.

Каждый проводит день по-своему. Кто-то живёт лишь одним днём — свободно, радостно и без забот. Какое ему дело до сегодняшнего дня, какое ему дело до дня завтрашнего? Зачем ему вопрошать о смысле жизни? Так он беспечно проводит отпущенное ему время, словно зверь, ведомый желаниями своих чувств и голодом своего брюха. И даже считает, что правильно поступает.

Кто-то с трудом тащится от одного дня к другому. Сегодня он испытывает ужас перед завтрашним днём. А завтра он будет бояться последующего дня. Так жизнь становится бременем для него, колебанием и страхом. Он ломает голову над смыслом жизни и ищет его. Но тщетно. Ведь он не видит дальше своего носа. И ни у звёзд, ни в книгах не находит совета.

Изо дня в день, от поступка к поступку шагает герой. Ему известно, что Бог дал ему эту жизнь для того,

чтобы он посвятил её своему народу. Он знает, что обладает судьбой, с которой ему надлежит бороться. Однако он любит борьбу, и сильнее всего — борьбу с собственной судьбой. Он должен прожить лишь одну жизнь на земле. Поэтому он проживает её полной мерой. Он движется по горам и долинам, сквозь тьму и свет. Он возрастает над собой, преодолевая нужду и страдание, ураган и сияние солнца. И если он добрался до конца, если превозмог самого себя, то он смотрит на сотворённое им и может сказать: «Я жил не зря!»

Жизнь — это поиск, битва за свет. Словно на морских волнах покачивается она в восходящем и нисходящем движении борьбы. Штормы — благие. Волны — благие. Только солнце должно пребывать наверху. *И лишь тот может сказать «я живу», кто ежедневно вынужден снова и снова одерживать победу над своей жизнью.*

Мы только смеёмся над теми премудрыми людьми, но на деле сущими дураками, которые блуждают по жизни в шёлковых туфлях и крестятся при виде пропасти. Христианству понравилось подсовывать молодёжи глупую мысль о чистоте в качестве заветной мечты и удерживать её в состоянии своего рода блаженного детства.

Не тот является нашим идеалом, кто никогда не смотрел в глубины, кто никогда не сражался с болотными тварями, кто закрывает глаза на действия врагов в повседневной жизни, кто живёт в уединении во избежание искушений. Такие общества девушек и юношей, мечтающих о чистоте и невинности, часто настроены на отчуждение от мира. Тот, кто находится на земле, но при этом грезит о рае и устремлён в облака, ведёт опасную игру. Молниеносно может он низвергнуться с голово-

кружительных высот на твёрдую землю, с которой мы неизбежно связаны. Не на небесах, а посреди жизни находится наше место.

Подлинным героем является тот, кто двигается в самом средоточии жизни, кто сражается с силами дьявола и бросает судьбе: «Ещё посмотрим кто кого!» Проявление слабости не позорно. Но оставаться слабым — это преступление. И только тот, кто знаком с глубинами, способен уверенно взбираться на вершины.

Жизнь — это борьба с тем, что вовне, и битва с тем, что внутри. Последняя из них самая трудная. Мы обязаны изо всех сил и самым решительным образом сражаться с врагами, которые восстают против нас в нашем собственном сердце. *Корнем всего зла является инертность.* Если она подкрадывается к нам и желает соблазнить, то мы никогда не должны бездействовать. Поскольку бездействие — это отступление. А отступление — это смерть. Если однажды люди узрят смысл своего существования в наслаждении и покое, если однажды они заключат инертность в объятия, то станут более восприимчивы ко всему дурному. Ведь злу по нраву компания людей. Добро же пребывает высоко, и для его достижения требуются усилия. Поэтому мы хотим попросить Всевышнего, чтобы он ниспослал в нашу жизнь битвы и бури, дабы перед нами всегда стояли задачи, а мы никогда не становились пассивными.

Вслед за инертностью следуют равнодушие и склонность к полумерам. Нет, не «сегодня так, а завтра иначе»! Не холодно и не тепло, но жарко должен полыхать огонь в наших сердцах, чтобы он истреблял в нас всё нерадивое и плохое.

Но величайшее зло — это трусость. Трусость — внешнее проявление внутренней слабости. Тот, кто не обладает волей к сопротивлению, к риску, к борьбе, кто труслив — тот проиграл с самого начала. В жизни преуспевает только сильный и отважный. Трусливых и слабых оттесняют. У них нет права голоса. Поэтому мы желаем быть храбрыми. Даже если нужда и неудачи грозят свалить нас на землю, то и тогда нет никакого основания для отчаяния и робости. Напротив, есть причина для того, чтобы продолжать борьбу и действовать.

У кого эта позиция внутри, не может погибнуть, и жизнь неспособна сломить его. Облагороженный страданием и закалённый ударами судьбы, в итоге он всегда будет оставаться победителем, даже если пал в бою.

Разумеется, о данной позиции мы прочитали не в Библии. Это трудная позиция утверждающего жизнь и воинственного человека, и она старше учения Спасителя. Певец Эдды передал её нам такими словами:

«Живи, храня верность! Сражайся наперекор смерти! Умри смеясь!»

Она сотворена для нашего народа и представляет собой выражение нашей сильной жизни, которая является источником нашей веры.

О смерти

«Направь наши помыслы к исходу жизни!»¹² Так пела скорбящая община. Ласкающая слух игра органа навевала на певцов дремоту, стремление упокоиться в Иегове наполняло затемнённое помещение. Бледные лица святых призрачно взирали со стен.

Я сидел в углу, и моё сердце неистовствовало. Для меня это настроение усталости и отречения от мира было невыносимым. Мне хотелось вскочить, подняться на кафедру и крикнуть верующим соням:

«Для чего вы вообще живёте, если всё ваше существование жаждет лишь избавления, то есть гибели? Для чего вы производите детей на свет, где жизнь является не более чем приготовлением к смерти?

Мужчины! Женщины! Молодёжь! Эй, вы там, внизу! Для чего же мы пребываем на земле? Чтобы жить! Слышите? Жить так, чтобы служить нашему народу и распространять поток крови, устремлённый от незапамятных времён в вечность. Каждая минута должна проходить в борьбе. Нам не нужно проводить день за днём в унылых размышлениях о конце жизни. Если мы выполняем на земле свои обязанности, то нам нечего беспокоиться о том, когда Бог призовет нас. Это время определяет он. А мы должны работать. От нашего труда зависит, суров или милостив будет он к нам. Так не трусьте же, не бегите от мира, дорогие христиане! Соберитесь с духом, а попы пускай себе сокрушаются!

¹² *Rechte unsern Sinn auf das Ende hin* – строка евангелического гимна «Jesu, geh voran» («Веди нас, Иисус»).

Что вы ищете в церкви? Ступайте в леса, отправляйтесь в плавание, поднимайтесь в горы, чтобы стать свободными, сильными и благочестивыми! Слушайте птиц, радуйтесь весне, любите волны и бушующее море!

Не бойтесь, если небо нахмурилось, а свет скрылся за тучами и утёсами. Солнце всегда побеждает. Верьте в свет! Верьте в того, кто даровал вам свет, в того, кто и есть Свет. Верьте в жизнь и верьте в Бога!»

В учении Христа из отрицания жизни и бегства от неё само собой следует определённое отношение к смерти. Жизнь — это юдоль печали, усеянная тяготами и искушениями. Чтобы хоть как-то скрасить людям земное существование, им посулили небеса после смерти. А чтобы навсегда подчинить их церкви и её священникам и поставить под власть креста, сверх того придумали ад со всеми его муками и дьявольскими силами. Круг замкнут. Ибо дерзнувший с ясным взором прорваться сквозь эту пелену навсегда подпал под власть сатаны.

Так учат священники.

И человечество в своей преданной вере стало их слугой. Толково придуманное, бесстрастно просчитанное дельце, приносившее церкви миллионы. Искусный священнический фокус, за который наш народ поплатился реками крови и самоотречением.

Священники учат, что вратами в вечную жизнь является смерть. Она — якобы лишь начало подлинной жизни. Все усилия и заботы должны предназначаться ей одной. Поэтому смерть — не естественное окончание земного существования, но спаситель, приносящий давно обещанное вознаграждение. Поистине, верующим нетрудно было принять это. Многие слепо и даже радостно шли на смерть.

Однако они забыли своё задание. Задание жить на земле в народной общности и больше нигде. Стоит ли сравнивать тысячу фантазёров, которые ради собственного блаженства желают предать себя смерти, с тем, кто погиб за отечество, верный долгу! *Не перед впавшими в экстаз аскетами распахнуто небо, а перед человеком, который достигает его в борьбе!*

Аскет и отрицатель жизни не входит в вечность. Ведь он уклонился от своего долга. *Бессмертно только дело, которое смелый и сильный отвоёвывает у жизни и посвящает вечности своего народа. Бессмертен только поток крови, продолжающий течь в его детях и внуках.*

Тогда смерть становится носителем жизни и служит ей как мудрый судия.

Церковь низвела до прибыльного дела последнее и самое священное событие в жизни. Церковная касса не гнушается даже смертью. Умершие поделены на классы и хоронятся в соответствии с величиной своего состояния. Отвратительная, бестактная игра в траур. Когда-нибудь выполнение этого последнего священного долга возьмёт на себя государство. *Ведь мы живём для народа. И умираем за народ. Не за церковь.*

Невероятно, что служители церкви по сей день произносят за плату бездушные слова у гроба. Они копаются в самых святых чувствах. По существу, здесь вообще не стоит много говорить. Ибо смерть вещает достаточно громко в молчании. А что должно быть сказано, надлежит огласить товарищам. Их слова будут простыми, но исходящими от сердца.

Не следует возражать нам: мол, мы, христиане, ныне мыслим свободнее и в большем соответствии с духом времени.

Мы не разбираем здесь частные мнения некоторых священников и учёных. Мы сводим счёты с основами христианской веры, зафиксированными в Библии и в её истории. Народ не освободить от духовного рабства, наделив неволю новым названием или придав ей более терпимые формы. Нужно идти к корням и не обращать внимание на болтовню трусливых. Величие этого деяния заставит их впасть в уныние. Мы не нуждаемся в них.

Я слышал речь одного пастора о невежественной вере в судьбу и в ведьм, о беспомощности германца перед смертью.

Да только вера в ведьм — это выдумка христиан. На кострах они сжигали еретиков, то есть наиболее благочестивых. Мрачная глава христианской любви. В том, что христианские священники оскорбляют собственный народ и его обычаи, нет ничего нового, это повседневное явление. Таково выражение их бессилия перед героической позицией предков. Древние противостояли смерти более мужественно и свободно. А самой почётной была смерть на поле битвы, смерть с оружием в руках, посвящённая богам. И наивное представление о Вальхалле, возникшее, однако, в период упадка, даже сегодня подходит нам больше, чем рай.

У кого здесь более сильная вера? Вечную нордическую идею борьбы невозможно соединить с христианским смирением.

Христиане противопоставляют смерть и жизнь. Мы же понимаем смерть, исходя из самой жизни.

Как будто природа не учит нас тому, что за всем живым следует смерть, что смерть должна сопровождать жизнь ради новой жизни. Семя прорастает. Новая жизнь

расцветает и созревает в плоде, который опять порождает новое семя. Старое умирает и живёт в новом.

Разве смерть для нас, людей, не является самой живой тайной? Божественным чудом, как и жизнь? Мы хотим вновь учить почтению и молчанию перед смертью. Мы хотим укрепить свои сердца, чтобы они смотрели ей в лицо, чтобы они могли с ней сражаться. Ведь смерть — наш самый благородный противник. Мы не сдаёмся. Мы боремся с ней, не жалуясь. Пусть победит сильнейший. Жизнь всегда наиболее прекрасна там, где смерть наиболее близка.

Смерть принадлежит жизни. Она — последний долг, который мы должны исполнить на земле. Люди умирают, поскольку они живут. Человек, идущий по жизни как трус, будет труслив и в смерти. Он начнёт плакать и жаловаться. И как когда-то он избегал борьбы из-за риска, так будет он страшиться своего последнего часа. Потому что от него ничего не остаётся. Ни от его жизни, ни от его смерти. Но человек, боровшийся с жизнью стойко и храбро, сможет и умереть с гордо поднятой головой. Он выполнил свой долг на земле.

Тому, кто живёт как герой, умирать не трудно. Но людям не нужно роптать. Им надлежит умолкнуть перед возвышенным могуществом смерти, которой боятся только ничтожные. Великому она была соратником в борьбе и в страдании. Люди должны пробудить свои сердца, взглянуть на вечный свет и поклясться: будем же жить так, как он умирал!

Теологи издавна пытались раскрыть тайны Бога. Поскольку им никогда это не удавалось и человеку никогда в этом не преуспеть, они расшифровали загадку, бесцеремонно наделив её тем смыслом, который казался

им наиболее выгодным. Кому может прийти мысль дерзновенно исказить замысел вечного Творца неба и ада? Это ли не святотатство и богохульство? Мы, простые люди, не желаем мудрствовать и угадывать. Нам ни за что и никогда не разгадать эти божественные тайны. Мы просто хотим быть счастливыми и благодарными за то, что можем жить ради великого Рейха и только наилучшим образом выполнять свой долг. *Ведь Бог измеряет жизнь не числом лет, но работой, которую мы созидали, и той позицией, с которой мы её созидали.* Эта позиция должна быть прямой и смелой.

Смерть становится нашим товарищем, великим формирователем природы – жизни, которой она служит. И только тот устоял в смерти, кто умел жить полной мерой, кто посвятил своё тело и свою душу единственному смыслу: служению своему народу. Даже смерть не способна отнять у него его народ. Ведь дело его жизни продолжает жить в том великом произведении, которому он посвятил свой труд. И его кровь течёт в венах его детей, пришедших ему на смену. Его жизнь исполнена. Она не нуждается в спасении.

Наисвященной становится смерть, которая застаёт человека в борьбе за родину. Она наиболее прекрасна и мужественна, но также и наиболее трудна. И только вера в высшие блага народа может её превозмочь. Солдаты Великой войны, уже отмеченные печатью смерти, которые с развевающимися флагами и боевым пением шли под пули и гибли, исполнили своё предназначение в жизни и одержали победу над смертью. Последней их мыслью было не личное блаженство. Как же оно ничтожно по сравнению с бессмертием нашего народа! Их последним кличем, их самым горячим стрем-

лением была свобода родины, в которую они верили. Они отдали свою юную кровь за Вечную Германию, ради которой шли в атаку и которая стояла перед их взором перед тем, как смерть разбила их сердца. Они — герои, воины Бога. Они — святые. Для них хотим мы возводить наши соборы. Не для отрекшихся и целомудренных глупцов, которые приобрели небо, но утратили Рейх. Только смерть за народ является наивысшим достижением.

И хотя во множестве солдатских песен поётся о смерти, никакого христианского смысла там нет. Потому что христианин преодолевает в смерти земную жизнь, дабы войти в жизнь вечную. Его желание — это спасение. *Солдат ведёт в смерти борьбу своей жизни за идею, которой он присягнул.* Его задание находится на земле. И его устремление называется безупречностью. Он не хочет умереть, чтобы освободиться от своих земных обязательств. Он хочет жить, чтобы выполнять их. И частью его жизни является смерть. Умирать с гордо поднятой головой может лишь он, потому что ему известно, что такое жить полной мерой. Поэтому он с радостью идёт в бой и смеётся над старухой с косой: «Пусть только заявится, я готов!»

❶ долге

Сегодня восстановлена честь железного слова «Долг» — слова, забытого и преданного больным временем. Оно больше не ценилось людьми, которые не ведали никаких обязательств и водрузили на место свободы произвол. Они насмехались над выполнением долга, они клеймили позором смерть за отечество и провозглашали права человека. Развитие в этом направлении должно было привести к войне всех против всех. Поскольку масса не выносит свободу. Так как становится заносчивой. И ни один человек не выносит свободу *от* долга. Нам нужна свобода, но *для* долга. Сегодня речь идёт том, чтобы признать долг священным. Великий прусский король, которого люди ничтожные называли атеистом, наделил долг религиозным значением. Он сказал: «*Мой долг — это моя религия!*»¹³ Если бы каждый думал таким же образом, то церковный вопрос был бы решён, а христианство — преодолено. Но до тех пор, пока немцу известны два долга, земной и небесный, пока ему известны два господина, Вождь и Спаситель, он не отыщет пути ввысь, к вечности.

Исполнение долга — это священное понятие. Но оно требует от человека полной отдачи. И достигает своего величайшего смысла и ценности в солдатской службе. *Солдатская служба является самым убедительным свидетельством самоотверженного служения отече-*

¹³ Искажённая цитата из стихотворения прусского короля Фридриха II Великого «К Вольтеру»: *Mein höchster Gott ist meine Pflicht* («Мой высший бог — это мой долг»).

ству, высшим выражением гордой, целостной мужественности.

Нет более значительного примера приверженности выполнению долга, чем борьба и смерть героев Великой войны. Внушительные монументы сегодня напоминают об этом долге. И деяния героев будут напоминаниями до тех пор, пока живут немцы.

Часто говорят, что равнодушное выполнение долга делает нас его рабами, что он обхватывает наше горло как железный хомут и грозит нам удушением. Для нас долг – не холодное, застывшее понятие. Он движим любовью к Вождю, непоколебимой верой в Германию и пылкой увлечённостью всем великим и благородным в этом мире.

Отныне немецкий солдат приносит клятву не конституции, не клочку бумаги. Он клянётся в верности своему Вождю и посвящает ему и отечеству свою жизнь и смерть. Вместе с тем этот долг является для него самой живой верой.

Теперь наша молодёжь снова проходит через школу вермахта. Она должна быть суровой. Нам нужны мужчины – стойкие, прямодушные, верные долгу и немногословные. Этих парней создают не с помощью речей, но посредством лишений, железной службы и, при необходимости, крепкого кулака. Человек словно дуб обязан выдерживать бурю и противостоять ей. Однако наряду с суровостью должно пребывать и воодушевление, вера в идею. Палкой не сплотить взвод и не привести войско к победе. Солдатская служба состоит не только из муштры. Не тот солдат, кто носит униформу и оружие. В душе он может оставаться бабой. Солдатская служба – это внутренняя, прямая позиция: правдивая, верная долгу,

послушная, немногословная и всегда готовая к бою. *Предельным и самым священным оружием солдата является идея, которой он служит.* Без неё он всего лишь оруженосец, а не солдат.

Сегодня говорят о прусском духе. Прусский дух и солдатская служба представляют собой два выражения одного понятия. Пруссачество не связано с определёнными ландшафтами и родовыми линиями, оно — не омертвевшее воспоминание о некоем великом времени, которое было наполнено жизнью. Прусский дух — это традиция поступка, живущая во всех нас.

Пруссакom является каждый, кто живёт, чтобы выполнять свой долг. Пруссакom является каждый, чьё сердце выстукивает единственный ритм: Германия. Кто не свободен, если Германия пребывает в оковах. Кто рождён быть немцем и не может жить, если Германия умирает; кому надлежит вечно атаковать и сражаться, чтобы отдать отечеству всего себя. Кто никогда не ведает покоя, но всегда знает, что должен делать.

У солдата самая прекрасная религия. Ему не присущи многословные и лицемерные речи. Он не молит о милости и прощении как конченный грешник. Он не исповедуется перед людьми. Он не стоит на коленях в церкви, не поёт плаксивых песен и не читает священные писания. Его религия зовётся Германией. Он служит своему Богу жизнью, исполняя долг. *Ведь исполнение долга — это единственная форма практики богослужения.*

Всемогущий говорит с человеком там, где он в одиночестве противостоит бурлящим волнам, борясь со штормом, грозами и ветрами, рыскающими по широкому небу — там человек ощущает Его громадную силу, кото-

рую Бог открывает ему в голосе ветра, в шуме моря. Уста тогда умолкают, и сердце трепещет перед всемогуществом Вечного.

Тогда церкви становятся для человека слишком тесными, а все слова — слишком незначительными и пустыми. В священной серьёзности сердце призывает его к высшему долгу. Для высказывания ему остаётся только действие.

Сегодня всё определяется только действием. Не речами и не жестами. Исключительно действием.

Долг — смысл жизни для солдата. Борьба — это его привычная среда.

Но как должны понимать долг многие другие, на которых не распространяется действие закона о железном повиновении? Имеет ли долг какое-то значение для них?

Постойте! Разве не одинаковым образом выполняет свой долг тот человек, который стоит в мастерской и создаёт ценности собственными руками? Разве не принадлежит к великому сообществу выполняющих долг крестьянин, отвоёвывающий для нас хлеб у неба и земли? Разве не тем же смыслом наполнена работа женщины, которая дарит нашему народу своих детей и приводит их к истокам? Разве её семейные обязанности не являются обязанностями для всех нас? Разве все мы не солдаты труда, не солдаты народа?

Разве не всякая работа, которую делают ради народного сообщества, является священным служением? Разве не принадлежит к самым прекрасным задачам нашего времени привитие людям любви и уважения к труду?

Немецкая вера, вера в поступок, возникнет в триединстве молотов, мечей и плугов. Красивыми проповедями и внешней мишурой нельзя привести рабочего к

благочестию. Стук механизмов и грохот моторов заглушает любые слова священника. Когда кузнец в мастерской машет молотом над наковальней, а крестьянин бросает в почву горсть семян, то они делают больше, чем сто попов, проводящих целый день за болтовнёй. *Благословляет труд, а не слова.*

Христианская церковь принуждает своих верующих молиться сотням святых. Но каждый из них был канонизирован не потому, что выполнял свой долг в жизни, но потому что бежал от жизни и долга. Подлинных героев сжигали как еретиков. Как долго ещё немецкий народ хочет предавать лучших людей своей крови? Как долго ещё он хочет слушать проповедь самоотречения?

Вера, которую нужно выстраивать по книгам, вера, которая не возникает из самой жизни, является пустой, мёртвой верой.

Обладает ли жизненной силой церковь, которая дарит по воскресеньям час утешения разве что некоторым благодушным бюргерам, в то время как масса трудящихся остаётся дома и наслаждается солнцем? В будние дни они выполняют свой тяжёлый долг и не чувствуют себя кающимися рабами греха. Нет! Среди них — бесчисленные, безымянные бойцы, герои работы, для которых шум фабрик звучит возвышенной песнью труда. Эти бойцы однажды станут самыми преданными стражами нашей веры.

❶ **честь**

Сверкающий щит прямодушного человека — это его честь. Честь нельзя приобрести за деньги. Невозможно наградить ею, пожаловав орден. Честь также не имеет отношения к личине тщеславного подлеца или репутации богатого бездельника в белом жилете. Белым бельём слишком часто прикрывают грязное тело. Честь — это прямолинейность и отвага сильного сердца. *Честь — это верность самому себе.* Нет чести у отрекающегося от самого себя и себя забывающего, у идущего по жизни извилистыми окольными тропами и не желающего выбрать каменистый, но прямой путь, у позволившего одолеть себя страстям и вожделениям вместо того, чтобы самому быть господином в собственном сердце. Честью не одаривают и с честью не рождаются. Честь нужно заслужить, нужно добиться её.

Тот, кто может быть верным самому себе, будет хранить верность и другим. Поэтому честь — это и есть верность. Верность товарищам. *Поэтому честь — это верность народу и преданное повиновение Вождю.*

Мерилом чести является поступок как следствие верности. Ведь честь не приобрести и не отстоять речами. Её безупречность подтверждается только оружием, кровью. Тот, кто не готов ради чести отдать последнее и всем рискнуть, уже утратил её.

Мы больше не говорим о сословной чести. Мы говорим о чести немца.

Ни у какого сословия нет права требовать для себя особой чести. Кроме того, честь не определяется мнени-

ем так называемого «общества», которое считает добродетель и нравственность своей исключительной прерогативой. Честь не зависит от звания и положения. Она — достояние сердца. У шахтёра, трудящегося в пыли и поту под землёй, щит его чести может быть более чистым, нежели у дельца, который с вечно улыбочливой миной тербит в своём кармане серебряный грош.

Честь солдата не связана с чинами и знаками отличия. В вопросах чести между ними нет никакой разницы. Новобранец обладает такой же честью как генерал. Чему надлежит возражать, так это ответственности и осознанию долга. Больше обязанностей, больше ответственности — такова награда для всякого вождя. И честь оружия представляет собой не что иное, как честь солдата. Кинжал в руке негодяя всегда остаётся орудием позора и бесчестности. Порядочный человек наделяет своей честью окровавленный меч.

Всё отступает: любовь, дружба, собственность, когда этого требует честь. Тогда не бывает слишком большой жертвы, слишком долгого пути, слишком трудного дела.

Вопрос чести затрагивает как отдельного человека, так и народ. Ноябрьская республика¹⁴ не обладала честью, потому что возникла из позора. Как бесславно она появилась, так же и погибла. Её представители бесчестно покинули поле битвы. Сам немецкий народ никогда не существовал без чести. Он с честью сражался против мира. И из его самых верных бойцов воспрянул Вождь.

¹⁴ Здесь — Веймарская республика: режим парламентской демократии, установленный в Германии после Ноябрьской революции 1918 года и поражения в Первой мировой войне, ставшего причиной подписания унижительного для немцев Версальского мирного договора.

Он один мог вернуть Рейху его честь, потому что никогда не утрачивал собственную. Потому что был самым верным человеком своего народа.

Две ценности борются за власть сегодня: любовь и честь. Церковь проповедует любовь как высшую ценность из всех добродетелей. Мы отстаиваем честь. Любовь никогда не должна быть предельным устремлением. *Высочайшим благом, священной задачей для мужчин и для народов остаётся честь.* Пусть любовь будет силой, но отнюдь не целью. Ради любви церковь проявляла сострадание и милосердие, подавала милостыню, проповедовала самоотречение, воспитывала людей не от мира сего и предавала Германию. Ради чести народы шли сражаться, лучшие из них проливали кровь, появлялись герои. Ради чести языческие племена с оружием сопротивлялись крестовому походу любви.

За всей болтовнёй о небесной любви церковь позабыла о своей земной чести. Я говорю о церкви вообще, о христианстве. Ведь сегодня речь идёт не о конфессиях и догмах, но только о немецкой вере, о чистоте немецкой души. Всё, что называют пороками церкви, лежит в основе христианства. Потому что христианское учение с самого начала являлось учением, противостоящим природе и крови. И нынешнее христианство — это последствие обескровленных священнических измышлений.

Изо дня в день щит церковной чести марается бесчестными священниками. Их монастыри опустились до того, что стали прибежищами разврата. Их церкви и алтари осквернены «помазанниками Господа». Толпами паломничают «уполномоченные Богом» от прокурора в тюрьму. Что сделала церковь для предотвращения всего этого? Ничего. Она замалчивает и терпит преступление

ради любви. Нет! Даже в вере честь должна находиться на первом месте. Этому церковь не постигла. Она не желает этого понимать. Пусть так! Её время истекло. У нас нет никакой причины оплакивать её. То, что сгнило, разрушится само собой.

Когда-нибудь немецкая вера построит народу его храмы. Она посвятит их всем тем, кто пал за честь и свободу своего народа. А для святых и глупцов, бежавших от жизни и земли, не останется больше места. Ведь Бог вменил нам в долг на земле — служить вечности нашего народа. *Наша честь, честь перед Богом, заключается в том, чтобы отдавать все свои силы ради этого народа, и в отважной готовности пожертвовать собой ради такого предельного устремления.*

О любви

Много, слишком много было сказано о любви в последние два тысячелетия. К сожалению, лишь сказано. Поступки выглядели иначе.

С тех пор, как было провозглашено царство небесное, человечество не стало счастливее. Во имя любви разил меч, текли реки крови, города, сёла и священные места превращались в груды развалин. Во имя любви пылали костры и свистела плеть.

Во имя любви народы ненавидели друг друга и жили в раздоре. Церковь только наблюдала за этим и получала прибыль в виде душ и серебра.

Проповедуя любовь, папство приобретало влияние посредством убийства, обмана и воровства. И сегодня народы стонут под игом креста. И любовь никогда не освободит их.

Церковь сегодня проповедует любовь как наивысшую ценность из всех благ. Любовь — не наивысшее из благ. Ведь тот, кто лишь любит в этом мире, погибнет в урагане жизни. Он будет сломлен как глупец, полезший без оружия в гущу сражения. Любовь была дана нам. Но не как цель и высшая добродетель. Для народов и для мужчин наивысшей ценностью является честь. Любовь должна действовать как энергия сердец. Однако речь не об ангельской любви к ближнему. Ибо мы не любим наших врагов. Мы уважаем их, если они заслуживают уважения.

Мы также не любим всех и каждого. Мы любим только того, кто любит нашу родину, нашу кровь, наш

народ. Лжецу, подлецу и трусу мы выказываем презрение. Поэтому мы не болтаем о любви к ближнему — мы живём народной общностью. Конечно, заслуга церкви в создании этой общности незначительна. Напротив. В целом, общность была достигнута в борьбе с церковью. Она являет собой дело лучших и самых чистых сил немецкой крови, и она древнее христианства. В прежние времена честность, верность и гостеприимство были самоочевидными понятиями. Древние жили согласно неписаному закону, согласно закону крови. Не нужно было говорить им: «Не укради и не прелюбодействуй!» Законы крови жили в общности рода. Не было нужды сначала записывать и проповедовать их.

Христианская любовь к ближнему оказалась несостоятельной. С помощью любви не удалось прекратить борьбу классов и партий в нашем народе. Более того, она внесла свой вклад в раскол и разделение на секты и конфессии, чем только умножила беспорядок. Как вообще может церковь, которая сама не едина, притязать на призвание к объединению народа! Нет! Церковь не была причастна к сотворению немецкой народной общности. Поэтому она никогда не сумеет восстановить гармонию в мире. Молодые народы призваны совершить это самостоятельно. Наш идеал — не интернациональное, себялюбивое человеческое месиво. Наш идеал — это мир сильных народов, которые, сами пребывая в согласии, испытывают уважение друг к другу.

Мы не разглагольствуем о нашей любви. Она несомненно сильнее и пламеннее той любви, о которой вещают в церкви. Наша любовь к Германии и к Вождю беспредельна. Она обязывает нас к борьбе и верности. Поэтому мы не говорим о ней. Однако для нас она не яв-

ляется чем-то окончательным. *Всякая любовь только тогда имеет смысл, когда становится энергией в борьбе за долг.* И для нас всякий долг только тогда содержателен, когда он относится к чести и величию нашего народа. Мы любим своих родителей, своих сестёр и братьев и всех, кого мы должны любить. Но больше всех людей мы любим свой народ. И если Германия приказывает, мы покидаем родительский дом и собственный двор, мы оставляем любимых. Мы любим и ненавидим, когда того желает Германия. Мы нисколько не беспокоимся о том, проклинает ли нас при этом церковь или же проявляет благосклонность. Ведь мы не подотчётны ей. Мы несём ответственность только перед Богом и перед жизнью своего народа.

Вместо того чтобы говорить о любви, людям стоило бы желать сражаться.

Вместо того чтобы продолжать размягчаться в любви, которая приводит к отказу от всякого сопротивления, им стоило бы прививать себе боевое мужество.

Человек способен на большее посредством борьбы и отваги, нежели любви. Под знаком меча возникла справедливость, мировой порядок. Под знаком меча была обретаема Германия. Под знаком любви мы стали слабыми. Ведь только сильный утверждает себя мечом и признаёт право борьбы и крови. Войны и боевые действия принесли человечеству больше блага, чем церковные соборы с их проповедями любви.

Если бы юных немцев воспитывали в школе бойцами, если бы их воодушевляли рассказами о героях и солдатах, а не потчевали сказками о святых, то они вступали бы в жизнь с иной верой. Они бы не дали провести себя еврейским грязнулям и неженкам.

Впрочем, в будущем церковь не будет иметь в школе никаких прав. Потому что молодёжь принадлежит народу. Из мальчиков и девочек будут воспитывать пламенных немцев и фанатичных бойцов. Немецкая история богата глубоко религиозными людьми. Отклик в сердцах нашей молодёжи вызывают Арминий, Эккехард,¹⁵ Видукинд,¹⁶ Фихте¹⁷ и Арндт, а не еврейские апостолы. Юные немцы должны сперва осознать свою принадлежность ко всему немецкому и научиться познавать собственный народ. Затем они сами станут религиозными. Ведь быть религиозным – это значит жить по законам Бога. Но никакой Моисей не способен дать нам эти законы. Они пребывают в крови, в родине, в борьбе за Германию.

Любовь к женщине и отношение полов друг к другу также обрели новый, здоровый и свежий облик. Он отличается от точки зрения, преобладавшей в минувшую болезненную эпоху, прежде всего тем, что в женщине мы действительно видим женщину, а не служанку. Женщина – это не вещь, которой пользуются и меняют после употребления, которой наслаждаются словно сигаретой и потом выбрасывают, чтобы зажечь новую. Мы не справимся с танцем, пригласив дюжину девушек да ещё хвастаясь их большим количеством. Мы не можем порхать мотыльком с цветка на цветок и одно ухаживание сменять другим. Нам нужен прямой курс, нам нужно яс-

¹⁵ Эккехард из Санкт-Галлена (910 – 973) – монах, автор поэмы «Вальтарий, мощный дланью», принадлежащей к числу важнейших памятников древнего немецкого героического эпоса.

¹⁶ Видукинд (ок. 755 – 807) – вождь саксов, лидер нескольких восстаний язычников во время завоевательных войн франкского короля Карла Великого, сопровождавшихся насильственной христианизацией германцев.

¹⁷ Иоганн Готлиб Фихте (1762 – 1814) – немецкий философ и общественный деятель, теоретик германского национализма.

ное устремление и любовь не как самоцель, но как энергия.

Нам не по нраву флиртовать и вести себя легкомысленно. Не потому что мы якобы убеждённые холостяки и глупцы. Нет! Лишь потому, что мы ненавидим всё половинчатое и поверхностное. Лишь потому, что мы ненавидим компромиссы, даже в любви. Мы чувствуем отвращение к праздной жизни жеманных франтов и бесхарактерных юнцов, которые скачут по салонам и приходят в ужас от грубого слова. Которые робко отходят в сторону, услышав грохот кованых сапог. Мы — либо волки, либо орлы, но только не овцы. Отъявленный негодяй может вызвать у нас большее уважение, чем безответственный бабник. И нам приятнее беседовать с неотёсанным бродягой, чем с надушенным слащавым «рыцарем любви».

Когда мы любим одну девушку, то любим её полностью. Всей пылкой страстью нашей души и всеми чувствами. Тогда никакой второй девушки мы больше не знаем. Она, вероятно, может радовать наши глаза. Но не вторгается в сердце. Тогда мы любим безмерно. Ведь любовь и должна быть безмерной. Половинчатая любовь не имеет смысла. Мы клянёмся единственной возлюбленной в верности и того же требуем от неё. Любовь без верности немыслима для нас. Только верность облагораживает любовь. Верностью и её утратой также подтверждается либо опровергается наша честь. Наша честь и честь женщины.

Наша любовь не знает меры и ограничений. Благовоспитанная прогулка и целомудренная любовная игра не в нашем характере. Завсегдатаям чопорного танцевального кружка и христианским апостолам

непорочности такое поведение может казаться вполне пристойным. Но наше сердце слишком глубоко и не достойно этого.

Мы никогда не отличались буржуазной нравственностью, а христианской — и того меньше. Наши воззрения — более жёсткие и здоровые. Они не являются результатом образования, преподанного нам добрыми бюргерами и обществом. Они пребывают в крови и произрастают из того, что естественно. Только поэтому они сильны и свободны, но нисколько не разнузданы. Именно поэтому нас называют незрелыми мальчишками и грубиянами. Это крайне мало нас беспокоит. Мы к этому привыкли.

Критика со стороны напыщенных и чрезмерно образованных кругов является для нас лишь похвалой.

Мы создали себе собственный образ женщины. Нас не волнуют амазонки, крашенные и размалёванные куклы, «гёрлз» и так называемые светские дамы. Они лишены всякой естественности. Но нам не годится и целомудренный ангел. Нам вовсе не нужна подружка для детских игр, смиренно опускающая очи. Для нас это было бы слишком скучно.

Поскольку мы стремимся стать целостными мужчинами, то желаем целостную женщину. Конечно, женщине ещё предстоит многое наверстать. После войны появился такой типаж как «дочь добропорядочного бюргера», которая со своей холодностью и моралью старой девы просто не подходила солдату ни телом, ни душой. Солдат не станет мешкать. Горячий как огонь и не знающий меры, он желает любить. Он не хочет лишь пригубить. Он хочет пить большими глотками. Ему к этому не привыкать. Всё или ничего. В полумерах нет никакого смысла. Пока девушку страшит эта цельная любовь, а её сердце извер-

гает лишь слабое пламя, она не отыщет пути к солдату. Солдат с ней будет только забавляться. От неё зависит, желает ли она быть ему возлюбленной, то есть быть его любимой.

Лишь немногие девушки могут быть возлюбленными. Они — сильные существа слабого пола. С такими стоит обмениваться сердцами. И их становится всё больше. Ведь девушка начинает наконец пробуждаться и покидает девичью комнатку, где она мечтала, пребывая в стадии ангела, когда благодаря практике в лагере и трудовой деятельности решительно и осознанно входит в полноценную жизнь.

Мы любим в женщине именно женственность. И женщина должна это учитывать. Женственность может стать для нас святыней. Иногда мы воспринимаем её как нечто самое близкое и родное. В другой раз она кажется нам вечной тайной, шестым чувством, которое мы не способны постигнуть и которое чтим. Мы любим в женщине природу, которая всегда даёт совет и приходит на помощь, когда разум оказывается бессильным. Говорят, будто женщина на одну ступень ближе к природе, чем мужчина. Потому природа проявляется в ней чище и сильнее. Мы любим в женщине художницу и мать, плодотворно и радостно распространяющую жизнь — обе наши жизни и жизнь народа.

Но даже самая сильная и чистая любовь не является чем-то окончательным для нас. *Пределом и высшим устремлением мужчины остаётся честь, борьба и долг.* Вера и любовь суть источники, из коих мы черпаем энергию. *Задача мужчины — покорять мир, задача женщины — быть солнцем в этом мире.* Мир мужчины — это долг. Мир женщины — семья и муж. Для мужчины вступление

в жизнь судьбоносно. Для женщины это не такое примечательное событие. Для неё более важно вступление в брак. *Совместная жизнь мужчины и женщины ради народной общности – вот что такое брак.* Никакого санкционированного государством распутства. И никаких отношений типа «хозяин и служанка» в том виде, как они описаны в Библии.

Женщина для нас – это родина в мире борьбы, привал и затишье в ураганах жизни. Припадая к груди жены, мужу не пристало самому становиться женщиной. Ему нужно находить в себе силу высвободиться из её объятий, чтобы подобно упорному бойцу снова уходить в мир и исполнять свой долг. Женщина должна быть нам соратницей, близким нам товарищем, той, которая разделяет наши радости и вместе с нами справляется с заботами. Она должна быть матерью наших детей, матерью народа, которой воздаётся наша благодарность.

Таковы задача и долг женщины в её мире.

❶ ненависти

Я хочу поговорить о ненависти.

Равнодушные и трусливые тотчас же поднимут крик. Слово «ненависть» может довести их до бешенства. Они боятся его так же, как страшатся борьбы и оружия. Речь пойдёт не о ненависти ничтожных. Мы ненавидим их ненависть. Я хочу поговорить о ненависти великих, о нашей ненависти. Ненависть ничтожных низменна и проста. Мы презираем её. Поскольку корень сей ненависти – себялюбие, корысть, зависть. Мы познали её в форме классовой ненависти, которая пренебрегает высшим и оскверняет благородное. Эта ненависть рождена в трясине, где торжествуют алчность и низменные инстинкты. Она неспособна подняться на те высоты, где кругозор расширяется, а взгляд способен узреть над всеми личными желаниями и рвениями народную общность. Эта ненависть ползает в пыли и там же умирает. Мы воздаём ей только презрение. И когда она смеет взвиваться к нам с жадным взором и хладным помыслом, то мы желаем отбрасывать её и попирать.

Но прежде всего мы обязаны разобраться с другим сортом людей. С теми, кто вообще не хочет знать никакой ненависти. Они – чуждые миру проповедники пустынь, восхваляющие лишь любовь ко всем, даже к нашим врагам. Они грезят о царстве человечности и бредят раем. Они прославляют боль, доставляют себе мучения, а чистую, здоровую радость жизни считают греховной.

Вы, жалкие кающиеся прислужники греха! Чего хотите вы в этом мире? Чего хотите вы в жизни, где есть

борьба, шторм, война, ненависть и любовь? Именно, ненависть и любовь! Тот, кому ведома лишь любовь — получеловек. Тот, кто не знает, что такое любить и одновременно ненавидеть, не рождён для этого мира, где так часто торжествуют фальшь и ложь. Тот, кто только любит, труслив или не от мира сего. Ему самое место в монастыре, дабы пребывать в уединении. Лишь там, где его никто не беспокоит, он может жить своими теориями, жить ради смерти. Бегство от мира — это трусость. Для чего мы находимся на земле? Чтобы служить нашему божественному, вечному народу. Чтобы выдержать нашу жизнь в благоговении пред Богом, слушая голос совести и имея больше обязанностей, чем прав. Но мы неизбежно понесём поражение в этой священной борьбе, если только любим и не испытываем ненависти.

Мы не желаем спасения от земной юдоли. Мы хотим использовать каждый день, каждый час нашей жизни для того, чтобы сражаться. Не для того, чтобы заполучить рай на небесах как вознаграждение после смерти. Только для того, чтобы посвятить своё существование народу, который мы любим, противников которого уважаем, а врагов ненавидим. В этом состоит наше счастье и наше царствие небесное. Воистину, люди ничтожные никогда нас не поймут. Ведь их сердца не могут пылать и быть горячими словно рвущийся к небу стремительный и ненасытный огонь.

В этом огне рождается наша ненависть. Её корень — это любовь, которую мы напрасно искали в «священных писаниях» и заповедях. Любовь к отечеству, к крови, к родной земле. Любовь для нас священна, как священна для нас ненависть ко всему, что желает эту любовь уни-

чтожить. Нашей любви неведомы границы. Также и у нашей ненависти нет никаких пределов.

Мы хотим любить всё священное, чем наделил нас Бог. Хотим любить Бога, творца и хранителя, и Его самое великолепное откровение: Отечество. Веря и любя, хотим сражаться за эту святыню, за честь, свободу, обычаи и предков.

Но мы хотим ненавидеть от горячего, чистого сердца всех наших врагов, всё гнилое и вялое, половинчатое и равнодушное, всё трусливое и чуждое, что гложет нашу душу. Мы хотим ненавидеть всё низменное и дурное, что ежедневно соблазняет нас избегать трудностей и вести спокойную и полную удовольствий жизнь. Мы хотим ненавидеть всех подлецов, мошенников, предателей народа и животных в человеческом обличье. Не только ненавидеть. Атаковать и сокрушать.

У немца два лика, любящий и ненавидящий, добрый и суровый. Он – солдат и художник, боец и поэт, бунтарь и певец.

Он любит борьбу и шумную битву. Он размышляет и мечтает ночью при свете луны. Он любит свой народ, свою родину, свою кровь. Он ненавидит дьявола. И это хорошо!

Из пламени любви и ненависти восстаёт воля. И воля выковывает такой поступок, который может побеждать и освобождать. Такова наша ненависть, ненависть сильных и благочестивых, которую Бог вложил в наши сердца, чтобы мы были людьми, а не половинами от них. Эта ненависть плодотворна и хороша, поскольку она уничтожает вредное и плохое. Только такая ненависть оправдана, потому что она горит ради народной общно-

сти и направляет наше оружие на её врагов. *Ведь народ — это наша предельная мысль в любви и ненависти.*

У нас нет ненависти к противнику, мы его уважаем, если он благородным оружием бросает нам вызов на рыцарский поединок, на борьбу мужчины с мужчиной, лицом к лицу.

Мы также не знаем никакой ненависти к живущим рядом с нами народам. Мы желаем мирно трудиться вместе с ними. Однако готовы в любое время защищать свою честь и свободу от кого бы то ни было. Народы — это творения Бога. Только один народ является исчадием ада: еврейство.

Мы желаем работать. Нам не нужна новая война. Мы пробудились и окрепли.

Но нам необходима жестокая война с ленивыми и спящими в собственной стране. Со всем, что в нас самих скверно и не является немецким.

Не все ещё бодрствуют. Не все ещё крепки.

Нам нужна вечная война с дьяволом, с животным внутри нас. Самое худшее — это быть пацифистом по отношению к самому себе.

Если мы всегда готовы к войне и всё же не жаждем её, то одолеем любого внешнего врага после того как справились с внутренним.

❶ вынужденности

Теперь нужно поговорить об одной пространной христианской теории, которую нам никогда не уразуметь, поскольку она глубоко чужда нам и представляется слишком трусливой.

Человек по природе грешен и порочен. И дабы освободить человечество от порабощённости грехом, Бог послал в мир Спасителя. Он взял на себя грехи всех уверовавших в него и через свою смерть принёс им спасение. Так учит церковь.

И немец смирился с этим учением. Племена, чьи верования были свободными, сильными и простыми, стали враждующими конфессиями, которые мучают себя чувством неполноценности и сложными догмами. И чем же является ползание и коленопреклонение перед образами святых и мощами как не выражением того порабощения души, в которое ввергла нас церковь! Мы слуги церкви или же вольные люди своего народа? Мы хотим держаться гордо и взирать на то прекрасное и великое, что нас окружает. Ближе всего к нашему Богу мы находимся не в укромных кельях и не в тёмных церковных залах, но среди жизни и в природе. И мы желаем выказывать своё благоговение перед Всевышним не поклонами и бормотанием молитв, а прямой и отважной жизнью, которая делает нас достойными Его благословений.

Наш Господь – не всеблагодать, возлюбленный отче, а Бог при оружии, которому не нужны слуги. Когда-то древние вольно смотрели на небо, если Всемогущий мчался над землёй в громохании бури. Ныне люди

страшаться и прячутся. Когда-то мужчины были свободными и глядели друг другу в глаза, а приветствием им служила раскрытая ладонь. Ныне они гнут спины. Когда-то отец считался жрецом семьи, а мать — последним прибежищем в заботах и лишениях. Ныне же дети бегут к попам, изливают свою душу людям не от мира сего, которые не знают что такое семья.

Принадлежат ли ещё нам наши сердца? Потерян каждый день, каждый час, проведённый нашей молодёжью в церкви. Мы хотим воспитывать их немцами, сильными, свободными, верующими людьми и вырвать конфессиональную веру из их сердец. Ведь там есть место только для Германии.

Зачем детским сердцам проповедуют веру в греховность? Что должен молодой человек делать с ней? Воспитывайте в нём веру в благородное и возвышенное, в долг борьбы, в силу крови! Потому что юноша желает сражаться по своей воле. С такой позицией он преодолевает дурное и слабое и вместо саморазрушения превозмогает жизнь.

Отчего же люди не одинаково грешны? Я знаю. Ведь есть один непогрешимый человек: папа римский.

Мы же знаем только один грех: жить против закона Бога, против народной общности. Таков первородный грех этого мира. Никакой человек и никакой бог не способен избавить нас от него. На христианстве лежит это тяжкое бремя. И никакая смерть на кресте не может освободить от него.

Грех — это то, что причиняет вред нашему народу. Грех — это то, что загрязняет нашу кровь. Десяти заповедей нам недостаточно. Они исходят из беспокойства за личное благополучие, а не от ответственности за жизнь

народа, которому посвящена наша вера. Мы не нуждаемся в том, чтобы записывать наши заповеди. Они живут в каждом из нас. Они говорят в крови.

То, что есть помимо греха против крови — это не грех, а вина. Но мы не желаем никакого избавления от неё. Мы хотим сами нести свою вину. Ведь мы признаём всё, что делаем. С тех пор как существуют люди, они испытывают чувство вины. Потому что мы как-никак люди, а не подобия Бога. Однако мы должны осознавать чувство вины, нести ответственность за неё и справляться с ней, но не быть ею раздавленными и трусливо сваливать её на кого-то другого. Вина искупается не жертвой святого, не малодушным отречением от жизни и не милостью Рима. Бог не может проклясть нас, потому что мы сами обвиняем себя. Ведь мы всегда несовершенны. Бог может сделать это только в том случае, когда мы не желаем признавать вину и сдаёмся злу без сопротивления. Если я взял вину на себя, то не жду, пока меня спасёт смерть. Поскольку я не перекладываю трусливо вину на Иисуса. Я сражаюсь и добиваюсь того, что буду оправдан собственными усилиями и достижениями, когда предстану перед Предвечным.

Бог будет судить нас только согласно тому, сражались ли мы страстно и честно за добро против зла. Это значит, что ценность человека определяется его позицией, образом его мыслей. Тому, кто прямодушно провёл свою жизнь в борьбе, служа народному сообществу, не нужно бояться Божьего суда. *Плох трус, страдалец и мямля. Хорош — храбрец, боец и мужчина.*

Поэтому не молитесь о помиловании! Молитесь о силе, чтобы побеждать! Не просите отпущения грехов.

Не умоляйте! Обещайте загладить свою вину ещё большим трудом и более упорной борьбой!

Страдание — это наказание за все грехи. Так говорят христиане.

А разве страдание не принадлежит жизни? Разве оно есть порок и проклятие, разве оно обременено грехом? Неужели страдание есть кара Божья, чтобы сломить и опечалить нас, людей?

Не испытывает ли Предвечный нас страданием, не существует ли оно в мире для того, чтобы очищать и укреплять нас? Не для того ли оно существует, чтобы мы переносили его как мужчины — не жаловались, но давали отпор? Не приводит ли зачастую страдание нас, людей, к благоразумию и здравомыслию, когда мы заблуждаемся и забываем о тех задачах, которые перед нами ставит земля? Страдание — это благословение, а не проклятие. Счастлив народ, произрастающий в бедствии и среди бурь! Горе тому народу, что ищет свой покой в богатстве и материальном успехе! Только преодолённое страдание и пережитая борьба делают из мужчины мужчину. Он во всём превосходит остальных.

Тот, кто проходил через страдание и сражался с виной, но не возмужал от этого, не постигнет их смысл. Достигнутая в борьбе позиция более весома, чем подаренная. А знание, отвоёванное у жизни, более ценно, нежели вычитанное в книгах.

Тем не менее, такие слова не должны быть оправданием бездействия для слабаков. Легче возложить вину, чем искупить её. Вершина и трясина часто находятся на расстоянии одного прыжка. Но на гору восходят из низины, шаг за шагом. Не время и даже не обстоятельства ответственны за виновность людей, но сама челове-

ская воля. У неё есть возможность выбора между добром или злом. Бог доверил человеку принятие этого решения.

Наша задача

Время, в которое идеи борются за воплощение, требует мужества от их приверженца, мужества каждого отдельного человека, чтобы возвысить его веру до поступка. Поскольку новая вера преисполнит наш народ не благодаря разговорам и не с помощью тихого существования. Она будет произрастать из жизни, примера и убеждённости тех, кто носит её в себе, кто наиболее ясно видит её и поэтому имеет призвание к руководству. Мы связаны с христианской верой тысячами уз. Но один удар освободит нас. Сделать немцев сильными и зрелыми для этого шага — вот наша задача и наш самый священный долг. Ограниченные люди предостерегают от этого, потому что не могут нас понять. Они поднимают свой голос и указывают на Россию: «Так будет и с вами!»

Вы, маловерные! В России церкви сносят, чтобы искоренить веру. В Германии мы покидаем церковь, чтобы привести истинную веру к победе.

Эту веру нельзя измерять, исходя из ваших критериев. Её проявляют не посредством теологических выражений, не частым посещением церкви и не болтовнёй. Ею живут, служа народной общности, принося жертву и совершая деяние. Вера также не смешивается с тем, что слабо и чуждо. Если она основывается на компромиссах и полумерах, то лучше уж ей совсем не появляться на свет.

Что нужно делать сегодня? *Необходимо, чтобы каждый подходил к самым серьёзным вопросам наибо-*

лее честно и не считался ни с церковным галдежом, ни с безнравственностью общества.

Необходимо, чтобы каждый утверждал веру своего сердца, а не принадлежность к указанной в документах конфессии.

Необходимо, чтобы каждый брал на собственные плечи ответственность за себя и своих детей и нёс её ради своего народа вместо того, чтобы препоручать её церкви.

Нужна ясность. Церковь её страшится. Мы – требуем её. Вопрос отказа от церкви – это вопрос характера и совести. Тот, кто находит своё благо в Библии, пусть спасается с ней. Без этой веры он несостоятелен и бессилен. Мы никого не желаем убеждать, если к нам приходят не с открытыми или ищущими сердцами. Наш призыв обращён ко всем тем, кто стремится найти ответ.

Тот, кто сомневается в старой вере и ищет новую, пусть сначала достигнет согласия с самим собой и со всей строгостью ведёт этот бой до конца. Ему предназначаются наши слова. Мы призываем к тому, чтобы искра в его сердце стала тем огнём, который горит во всех нас. *Ведь наиболее верующие из всех – это пребывающие в поиске. А вовсе не те, кто болтает о вере, полагаясь на её «бумажное свидетельство»!*

В Германии живут миллионы людей, называющих себя христианами. Хотя они и утверждают, что утратили христианскую веру. Однако не смеют отказаться от звания «христианина». Отчасти потому что слишком инертны для этого. Наивысшее оценивается ими с точки зрения удобства. Отчасти они считают, что может пострадать их репутация. Но лучшую репутацию всегда имеет тот, кто наиболее честен. Другие бьют себя в

грудь: «Мы не верим в Библию и в Иисуса. Но мы, тем не менее, христиане, поскольку признаём существование чего-то возвышенного».

Тогда они не должны называть себя христианами! С тем же правом они могут заявить: «К тому же мы не верим в Вождя и в принципы Партии. Но всё-таки мы — национал-социалисты».

Нет! Либо человек — христианин и верит в Библию и Иерусалим, либо он таковым не является. Третьего не дано. Это разделение необходимо ради обеих сторон. Ведь добиться ясности — вот первая заповедь.

Сегодня мы видим, как прямодушные верующие люди пытаются восстановить в нашем народе немецкое христианство. Но подлинно христианского в нём — поистине немного. И лучше бы представители этой веры выбросили из неё остатки ближневосточной религиозности и утверждали немецкую веру. *Поскольку немецкая история была не постоянно прогрессирующей христианизацией нашего народа, но непрерывным протестом немецкой души против чужеродного вероучения.* И то, что ныне превозносят как христианские достижения, — это большей частью дело немецкого характера, который вопреки всему сохранял свою чистую энергию и лишь изредка бывал действительно христианским в своей глубине. Поэтому попытка извлечь из множества догматов христианской веры несколько затрагивающих нас принципов и соединить их в новое благочестие, должна считаться полумерой. Мы отвергаем её.

Мы стоим у истока нового тысячелетия немецкой истории и не желаем начинать его с компромиссов. Христианская эпоха подходит к концу, как и все прочие эпо-

хи в мире. *Когда умирал Вотан, воскресал Христос. И Христос уйдёт, потому что живёт Германия.*

У преодолевших в себе прежнюю веру и гордо назвавших новую веру своей есть трудное, но благое обязательство: быть глашатаями и провозвестниками и подавать пример, живя немецкой верой.

Мы не желаем идти по жестокому пути церкви. Тогда мы должны были бы сносить божьи дома, казнить священников и преследовать христиан огнём и мечом. Миссионерство и принудительное обращение в веру под знаком христианской любви, вероятно, останутся уникальными событиями в религиозной истории нашего народа. Всё самое святое, чем обладали древние, властью креста было превращено в руины. Священные места разрушены, утрачены песни о героях, сильное время кануло во тьму. И сегодня мы начинаем вспоминать благочестивых предков и усердно проливать свет на некогда сияющее прошлое. Простой долг благодарности, который был намеренно забыт и предан. Спасение искали на Востоке и не видели величия родины. Заботились о благополучии негритянских душ и не замечали бедствия и страдания в сердцах своих братьев. И так получается, что сегодня единственная примечательная сторона общества не принимает участия в Дне национальной солидарности: Церковь. Но её место занял народ, который живёт любовью и общностью в поступках вместо того, чтобы отравлять их болтовнёй. День за днём всё более новые свидетельства и святыни свободного и благочестивого племени открываются нам. Они были настолько сильны, что пережили тысячелетия. И они были столь чисты, что до сих пор священны для нас.

У нас есть не только право, но и долг освободить древние святыни от чуждых напластований, чтобы они вновь стали такими, какими являлись когда-то. И мы не хотим провозглашать их новыми идолами. Мы хотим возвысить их до памятных мест и вестников нашего характера. Мы хотим доверить их достойному попечению всего народа и благоговейным сердцам его молодёжи.

Пришло время преобразовать христианские праздники в дни обращения немцев к собственной сути и дни немецкого самосознания. Немало конфессиональных празднеств замечательно выражают «всеобъемлющую» любовь церкви, когда в один день немцы-католики, а в другой немцы-евангелисты справляют свои религиозные торжества. *Нет уж, либо у нас есть такие праздничные даты, которые отмечает весь народ, либо не будет никаких!*

Нам не нужно заново искать свои религиозные праздники. Они уже есть у нас. Они христианские лишь по своим названиям и внешнему виду. Если же мы устраним из них то, что чуждо, тогда рождество опять станет днём восходящего света и пробуждающейся земли, праздником радости и семьи. Тогда пасха и троица опять станут восхвалениями возрождения зеленеющей природы, которая одолела зиму. А недавно учреждённые Майский праздник народной общности и День урожая – торжествами нового благочестия. Так же праздниками веры станут и памятные даты Движения. Ведь оно есть действие, ставшее общностью нашей веры. И в эти дни немцы не отправятся в сотни различных церквей. Они будут стоять под одним небом, слушать одну речь и выражать одну приверженность.

Нашей задачей будет устранение конфессиональной веры от молодёжи. Мы хотим воспитывать её по-немецки и только по-немецки — в поступках, в мышлении и вере. *Школа — это место воспитания нации, а не кафедра для церкви.*

Какому-нибудь великому человеку поручат написать книгу о том немецком благочестии, которому мы желаем учить нашу молодёжь. Поскольку с тех пор как христианство стало определяющим фактором нашей жизни и задолго до этого немецкие богоискатели и пророки пели и вещали о немецком характере и немецкой вере. Их слова и их деяния станут нам ориентиром и откровением. И та книга будет полна жизни для всех эпох и для всех поколений. *Ведь те, кого некогда обесславили, отныне станут святыми. А еретики минувшего времени превратятся в религиозных вождей настоящего.* В них чистая кровь защищала себя от засилья чуждых влияний и искажения немецкой души. Они призваны указать нам путь. И мы должны продолжать их дело, невзирая на то, что маловерные желают нам попасть в ад. Мы не верим в ад, как не верим и в рай в потустороннем мире. Это было бы богохульством.

Мы верим в Германию и в того Бога, которого не можем постигнуть словами. Однако нет немецкого Бога. Есть только немецкая вера в Бога. Мы не обладаем исключительными правами на Божественное, какие приписывает себе церковь. Бог — это могущество над эпохами и мирами. Каждый народ идёт к нему собственным путём. Нашу жизнь должно определять уважение к вере других людей, сообразной их характеру, и благоговение перед Всевышним. На этом основании возникнет новый мировой порядок. Но народ, который впервые вступит

на этот здоровый, естественный путь, закономерно должен быть самым юным и наиболее сильным. *Ведь ценность народа определяет чистота его типа.*

И пусть против нас тотчас же выдвигают тысячу возражений: «Время ещё не созрело!» Мы отвечаем: «Оно всегда является зрелым для борьбы!» Тот, кто имеет цель, которую он желает достигнуть, благодарит Бога за каждый день, дающий возможность бороться и побеждать.

Сражение будет длиться не недели и месяцы. Оно станет революцией на годы и десятилетия. Но что они такое по сравнению с вечностью нашего народа! Две тысячи лет в немецких сердцах происходило брожение и велась борьба. Наступило время для прорыва. Эпоха, которая придаст ему форму, поставит перед грядущими поколениями людей свои задачи. Однако не в том ли состоит высшее счастье для поколения, утверждающего борьбу и отказывающегося от спасения, чтобы хватать с неба звёзды, которые казались предкам лишь мечтой, и посредством борьбы превращать их в деяние! Вероятно, нужно некое право для притязания на звёзды. Но оно не упадёт мечтателю в руки. Сильный должен добиться его.

Воспитание молодёжи доверено в первую очередь двум сословиям: учительскому и офицерскому. Священники вымирают. Они заставляли молодёжь отворачиваться от народа. Их место займут вожди. Не местоблюстители Бога, но лучшие немцы. Юношу, которого в школе и в вермахте воспитали самоотверженным и страстным борцом за свой народ, узколобое и чуждое миру священство не может снова оторвать от народа.

И если сегодня некоторые пасторы проповедуют веру в Германию и приверженность героизму, то они не

столько представляют новое, более чистое христианство, сколько делают первый шаг к отказу от ближневосточной догмы. Они вовсе не те «хорошие христиане», за которых сами выдают себя и каковыми сльвут. Немец в них одержал победу над христианином. Ибо как проповедник бунта против крови и против природы может вещать о народе как богоугодном единстве? *Христианство погибнет из-за недостаточного понимания расовых законов и законов природы.* Оно оставило без внимания наибожественнейшее.

Как же должны мы воспитывать наших детей?

Так, как будто бы они никогда ничего не слышали о христианстве. Мы хотим водить их на лоно природы и показывать им Божьи чудеса. Мы хотим учить их нашей священной истории и пробуждать в них гордость и осознание быть сыновьями славного народа. Тогда их чистые сердца сами укажут им правильную веру. У нас должно быть мужество, чтобы положить этому начало.

Для этого необходимо, чтобы мы сплотились в общности по вере. Не для осквернения святынь и воплей, но для привлечения, вдохновения и углубления душ. Не для отрицания, но для пробуждения и созидания. Источники нашей силы находятся в кладезе нашего вечного народного духа, который никогда не иссякает. Он столь могуч и обилен, что мы можем отказаться от того, что чуждо и слабо. Древняя мудрость и доброкачественность соединятся тогда с новой, молодой энергией. От этого союза возникнут обычаи, подходящие нашим сердцам. Но никакие новые формы не должны ограничивать нашу веру. Новая жизнь и новое дело произрастут из неё. Наша общность не будет иметь ничего общего с догматическими дрызгами и теологическими диспутами. Она

подымет сокровища прошлого из глубин, чтобы их истина и величие стали нам опорой. Она возвысит любовь к Германии и верность Вождю и вменит нам в долг мужественную борьбу. Она научит видеть происходящие с нами события не с позиции жёсткой, холодной догматики, но с точки зрения природы и крови. По сути, она лишь сделает всех нас фанатичными национал-социалистами и немцами. Если мы таковы, то вместе с тем мы религиозны, без церкви и без священников. Поэтому формирование нового благочестия — это вопрос воспитания нового человека.

Путь настолько же здоровый, насколько и безболезненный.

То, что мы не будем поняты многими, никогда не должно становиться причиной для колебаний. *Все революции совершались еретиками.* При этом нам не нужно дожидаться приказов сверху. Ведь государство не может навязывать своим гражданам их веру. Оно может лишь засвидетельствовать наличие нового религиозного устремления и сплочённую волю всех людей следовать ему. Но если сердца целого народа бьются в ритме новой веры, то человеческая воля всегда находит способ придать этой вере соответствующую ей форму. Поскольку без живого содержания форма становится пустым звуком.

С этого момента нашей задачей должно быть наступление дня религиозного единения. Он придёт не благодаря болтунам и писакам, но будет осуществлением чаяний миллионов, сердца которых болят, когда они думают о раздоре в немецкой вере, и которые всеми фибрами своего бытия отдались этому божественному повелению: **Г е р м а н и и.**